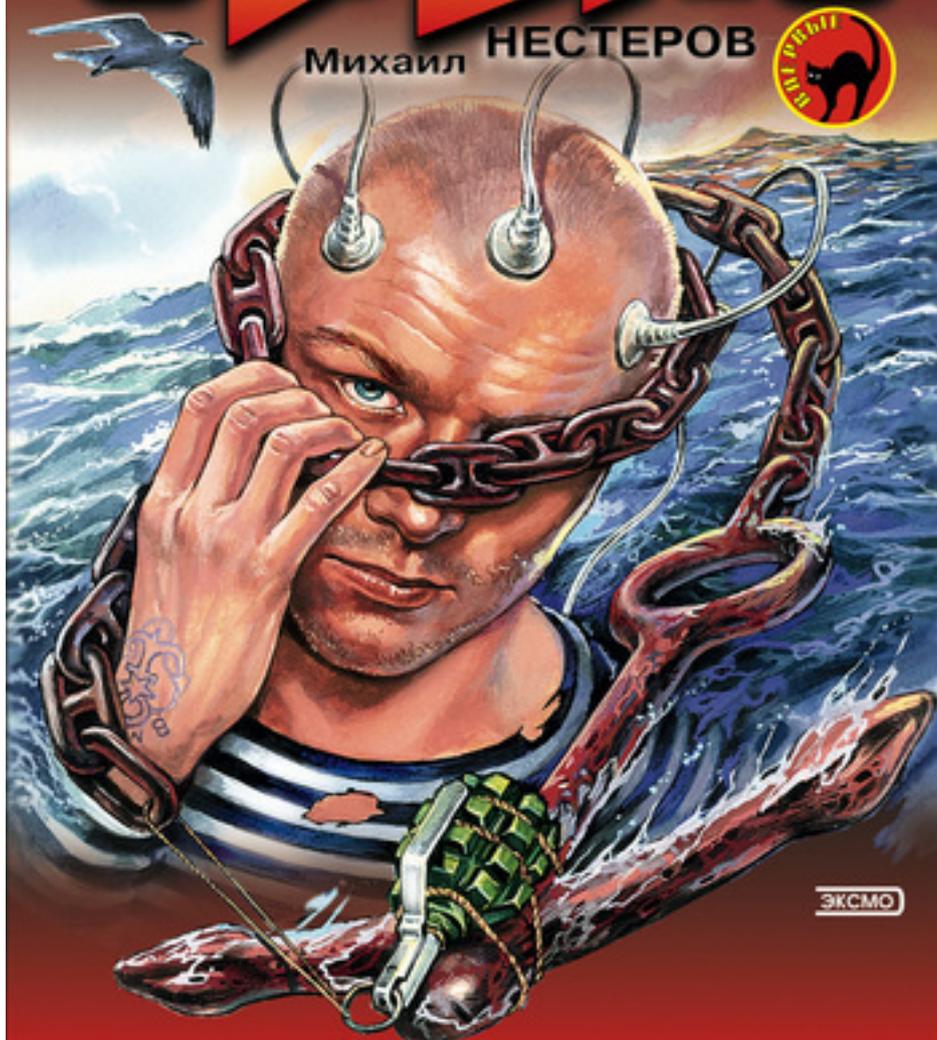

ЗЛАБОЕ ЗВЕНО

Михаил НЕСТЕРОВ

Марковцев

Михаил Нестеров

Слабое звено

«ЭКСМО»

2002

Нестеров М. П.

Слабое звено / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2002 — (Марковцев)

ISBN 5-04-009418-3

У спецарента ГРУ прошлого и будущего нет. Есть только настоящее. В настоящем же у Сергея Марковцева по кличке Марк – сплошь «веселые» дела: заказные убийства, теракты, похищения людей... Такое редко делается в одиночку, а человек, как известно, слабое звено. В блестяще разработанной Сергеем операции это звено подвело. Марка элементарно подставили. Он приговорен. Но в его секретном досье написано, что Марковцев способен найти выход из любого положения. Давай, подполковник, тряхни спецназовской выучкой, подтверди секретную характеристику...

ISBN 5-04-009418-3

© Нестеров М. П., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Михаил Нестеров

Слабое звено

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

«Предательство – вопрос времени».
Кардинал Ришелье

Пролог

Морская крепость

Москва, 1992 год

Из-за обилия запаркованных машин Алексей Белоглазов из штаба тыла ВМФ не смог подъехать к офису нефтяной компании и оставил служебную машину возле станции метро «Арбатская». Контр-адмирал¹ всегда придерживался правила: «Если хочешь, чтобы было сделано хорошо, – сделай это сам», поэтому не стал передоверять частный разговор с президентом нефтяной компании своему надежному, компетентному человеку.

Президент «Каспийского золота» Михаил Гуревич повел речь о промышленной площади на Каспии. Разработку на острове Приветливый пытались провести еще в конце прошлого столетия. Судя по старым геологоразведочным данным, эта нефть уступала грозненской по процентному содержанию бензина, но была богата керосином и смазочными маслами.

Эти достоинства и недостатки президент знал наизусть, ибо они не давали ему покоя. Вот она, золотоносная площадь, ставь насосы и качай. Но мешает приграничная зона, какая-то до неприличия прозрачная, или неприкрытая. Плюс остров и расположенный на нем морской пункт разведки, спецназ ВМФ. А вблизи секретных объектов заниматься бизнесом заказано указами и распоряжениями военных, скреплено какими-то положениями о государственной тайне и прочими бумагами. Остров небольшой, на промышленную и секретную зону его не поделишь.

Контр-адмирал слушал осведомленного в делах морской разведки нефтяного магната не перебивая. Ему показалось, что Гуревич кратким экскурсом в прошлое заявил свои права на промышленную площадь, во всяком случае, в его голосе слышались требовательные нотки вперемишку с легким недовольством.

– Что конкретно вы предлагаете? – спросил Белоглазов, когда хозяин запил свою речь кофе.

– Не знаю, как на морском языке, а на языке бизнеса это называется ликвидировать.

– Ликвидировать морской пункт разведки в приграничном районе, – многозначительно покивал гость на полушутливое замечание элегантного президента. Он понимал, что конфиденциальный разговор будет непростым, но слегка опешил от предложения нефтяника. В-первых, с наскока такие дела не делаются.

– Мы деловые люди, – продолжил Гуревич, – я предлагаю за содействие энную сумму.

¹ Первое – младшее – адмиральское звание на флоте.

Он произнес это слово протяжно, так что каждая «н» кричала нулем.

Алексей покачал головой:

– Не я один решаю такие вопросы. Допустим, в своем ведомстве проблем у меня не возникнет. Но все упрется в Главное разведывательное управление, в Генштаб. А потом встретит сопротивление Верховного.

– Помощников Верховного, – поправил его Гуревич. – С ними я уже беседовал. Они ждут согласования этого вопроса с вашим ведомством.

Контр-адмирал пожал плечами. За прошедший год он привык, точнее, стал отвыкать от перестройки. Для сил специального назначения последние годы стали разрушительными, их численность сократилась в несколько раз. Расформировывались подразделения, делились между суверенными государствами. Развалили уникальное подразделение «Вымпел», относящееся к Первому главку КГБ, Черноморская бригада морского спецназа стала украинским подразделением, но с прежним местом базирования на острове Майский². Неожиданно возникли проблемы с материально-техническим обеспечением, упала ниже критического уровня заработная плата офицеров.

Белоглазов не имел на главкома ВМФ особого влияния, просто подобные дела начинаются не в высоких кабинетах, инициатива идет снизу. Возможно, у начальника есть идеи получше, но в голову к нему не залезешь и с ходу к новым формам деятельности не склонишь. Гнилая демократия.

– Я не знаю всех тонкостей пункта морской разведки, – сказал моряк, думая: «Одним пунктом больше, другим меньше». – Мне нужно навести кое-какие справки.

Чем, собственно, и занялся, вернувшись в штаб.

Оказалось, на базе морской разведки дислоцируется еще и подразделение боевых пловцов «Гранит», всего несколько человек, но дело приняло неприятный и затяжной характер. Тем не менее все разрешилось благополучно, помогла развалить базу очередная рокировка в силовых ведомствах. Пост начальника ГРУ покинул кадровый военный, прославившийся тем, что требовал от разведчиков ношения военной формы, а его место занял генерал из противовоздушной обороны, не имеющий опыта в разведке и мало что понимающий в делах морских³. До самого верха, конечно, не дошло и не могло дойти, но в нужном кабинете оказался нужный человек. Он спросил контр-адмирала:

– Как срочно ты хочешь ликвидировать базу? – И не стал рассуждать на тему приоритетов. Его вообще могут не спросить: руководство ВМФ прямо заявит о расформировании морского пункта и укажет сроки, в которые ГРУ нужно будет уложиться, свернув там свою диверсионно-шпионскую деятельность. Пару лет назад такое показалось бы невозможным, однако рулили сейчас все кому не лень, и каждый в свою сторону.

– Чем быстрее, тем лучше, – ответил Белоглазов.

Вот так без особых препон, меньше чем за неделю была решена участь морского пункта на Каспии.

² Здесь приведены официальные данные, включая и ликвидацию морского пункта разведки на Каспии.

³ Речь идет о Владлене Михайлове, руководившем ГРУ с 1987 по 1991 год, и генерал-полковнике Тимохине – 1991–1992 гг.

Часть I

Глава 1 Лихорадка

1

Дагестан, июль 2001 года

Капитан третьего ранга Юрий Санников смотрел этот репортаж в третий раз. Его повторяли словно специально для него, то ли давая ему возможность успокоиться, то ли подзадоривая: «Рядовые могут, а ты?..»

Сегодняшний повтор новостей первого канала подтолкнул Санникова к активным действиям. Когда наливал водку, рука его подрагивала: «Лихорадит...» Юрий выпил полную граненую стопку и не стал закусывать, чувствуя во рту горечь, волнами накатывающую тошноту.

Все одно к одному, случайностью это не назовешь, продолжал он размышления, сравнивая себя и попавшихся на продаже ракет солдат. Солдаты – дураки. Глупо попались. Да и не могли не попасться, думал капитан, разминая в руках грязные, стоявшие колом носки. В ванной под струей холодной воды он постирал их и просушил феном ушедшей от него жены. «Ничего, скоро вернется, прибежит. Но только не в эту убогую халупу».

На остров Приветливый он ехал за одним, а нашел совсем другое. На одолженном у соседа катере он намеревался привезти и сдать в пункт приема цветного металла медный кабель, свинтить с труб оставшиеся бронзовые уголки, краны, задвижки. Охотников за такой добычей становилось день ото дня все больше.

«Один я долго проковыряюсь». Юрий недолго выбирал, вспомнив об удачливых подростках, которые привезли с Приветливого латунные гильзы от пушечных снарядов. Пацаны жили на его улице. Обычная компания для небольшого городка – по-взрослому деловые, страдающие от нехватки досуга. Едва ли не единственное развлечение, о котором мечтают их ровесники из Москвы, – лодка и море.

Троица собиралась у старшего из них, Алексея Гальчикова, которому весной идти в армию. Самому младшему, Булату Наурову, пошел пятнадцатый, его брат, Михаил, был на год старше. Их отец работал бригадиром рыбацкой артели, а дядя – богатый и уважаемый в Дагестане человек.

Булат маячил в окне, когда капитан, перекрикивая грохочущую музыку, позвал хозяина.

Несмотря на грохот, в комнату легко проникал уличный шум. А моряк орал, словно слушал музыку в наушниках.

– Чего? – посмеиваясь, Булат приложил к ушам ладони.

– Лешку позови!

– Кошку? Нет, не видел.

Пацан, не сдержавшись, рассмеялся и позвал товарища:

– Леха, к тебе Юрок пришел.

На фамильярность дагестанского паренька капитан махнул рукой.

Гальчиков убавил звук и перегнулся через подоконник.

– Сходим на Приветливый? – предложил капитан. – Поможете. Все, что привезем, поделим поровну: половина мне, остальное ваше.

Алексей согласно кивнул. Они бы не отказались и от обычной поездки.

– На чем пойдём? – спросил он, прыгивая на землю. – На моем «крыму» с грузом опасно, утонем.

– На дюжинском катере. – Катер «ЛМ4» со стационарным мотором принадлежал соседу Санникова Сергею Дюжину. Уволившийся со службы капитан-лейтенант промышлял на нем осетров и воблу. – Возьми молоток, зубило, – распорядился Санников. – В пару к моему надо бы еще один разводной ключ.

– Найду, – пообещал паренек.

Кабель, под свинцовой оболочкой которого скрывались медные провода, оказался на месте. Он проходил под самым потолком подвала и уходил в стену. А дальше скорее всего он выходил в верхние помещения бастиона.

Пацаны соорудили из досок подставку и занялись расшивкой. «Руби под корень», – велел им моряк. А сам занялся свинчиванием бронзовых муфт и уголков.

Через полчаса к нему наверх поднялся Булат и молча поманил за собой.

Алексей стоял коленями на помосте, усыпанном отколотой штукатуркой, и показывал зажатым в руке зубилом на стену.

– Я начал рубить кабель, взял чуть наискосок, чтобы захватить побольше, тут и стали куски из стены вываливаться. Там еще одна стена. Посвети сюда, – попросил он Булата.

Мальчик направил луч карманного фонарика в образовавшееся отверстие. Алексей сунул туда зубило и постучал. Звук получился звонкий, как о бетонную стену. Для убедительности Алексей стукнул рядом: в подвале прозвучал более глухой стук, не указывающий, однако, на полость.

Пацаны молча смотрели на Санникова.

– Дай-ка молоток.

Моряк простучал стену, на этот раз отметив, что в середине ее звук отличался, как ему показалось, какой-то податливостью.

– Я наверху лом видел, принеси, – попросил он Михаила Наурова, четвертого в этой компании. Каждый из них был больше обеспокоен, нежели возбужден. И сигнал, казалось, пошел от напряженного взгляда старшего, Юрия Санникова.

После нескольких ударов лом звонко коснулся металла. Еще немного, и перед искателями медных сокровищ предстала часть штурвала-задвижки.

– Дверь. – Только теперь на щеках Санникова проступил лихорадочный румянец. Несмотря на взвинченность, он пожалел о компаньонах. Возможно, за этой дверью нет ничего стоящего, однако какой-то дух первооткрывателя взбунтовался вдруг в его груди, не желая делить первенство.

Он предоставил мальчишкам самим освободить дверь, а сам, присев неподалеку, нервно курил, ощупывая взглядом их щуплые фигуры.

Булат снял рубашку и вооружился молотком. Санников с удивлением увидел его крепкие мышцы. Худой с виду паренек походил на боксера наилегчайшего веса. Поднявшаяся пыль присыпала его голову, плечи, руки казались изваянными.

Мишка сбегал наверх и, оглядев горизонт, вернулся с докладом: никого поблизости.

Около часа понадобилось на то, чтобы очистить запор и саму дверь. Санников при помощи лома налег на задвижку. Она вначале издала короткий скрипучий звук... Потом он перешел в протяжный стон. Замок, казалось, скулил под напором рычага-лома, пот струился по раскрасневшимся щекам моряка, шее, стекал за воротник.

– Перекур, – тихо сказал он и невольно огляделся. С бетонного потолка мрачных катакомб капала вода, тонким ручейком убегала неизвестно куда. При свете фонарика был виден

позеленевший желобок с осклизлым дном, где притаились какие-то мерзкие твари, похожие на пиявок. Фантастическими наростами смотрелись забранные решеткой фонари, обросшие желтоватой соляной коркой, со временем добравшейся-таки до потолка и монолитом соединившей светильники с базальтовой глыбой.

Нечастые шлепки капель в тишине подвала заставили моряка остро ощутить одиночество. Просто одиночество, без каких-либо сопутствующих эмоций. Он видел притихших пацанов и словно не замечал их. Что кроется за массивной бункерной дверью? Наверное, ничего такого, что могло бы обратить капитана в бегство. Возможно, там скопилась лужа, пусть даже озеро – ведь через едва приметный желобок вода течет именно в скрытое помещение. «Пусть в озере живут безглазые лягушки, слепые рыбы, – успокаивал детские страхи моряк, – мне-то что?» Пришла в голову наивная мысль: «Развернусь и уйду».

Будто очнувшись, снова взялся за лом...

За дверью оказалась точно такая же дверь с продублированной изнутри задвижкой. Она открылась легко. Юрий ожидал затхлого воздуха изнутри, однако атмосфера незнакомого помещения ничем не отличалась от воздуха в подвале брошенного разведпункта.

Луч фонаря бегал по потолку, полу, задерживался на поржавевших стеллажах, протянувшихся вдоль стен. Пацаны следовали за старшим товарищем. Опасаясь оказаться в ловушке, капитан отдал распоряжение, и Алексей застопорил дверь ломом. На всякий случай зафиксировал и вторую дверь.

На стеллажах было пусто. Машинально пальцы Юрия коснулись металла, проверяя его ценность: обычные железные уголки. Судя по всему, в это помещение не входили по меньшей мере лет десять, с 90-х, когда имущество и вооружение разворовывалось предприимчивыми военными.

«Все забрали». Теперь в голове моряка бродили иные мысли. Луч фонарика продолжал обшаривать сырое помещение, пока не наткнулся на ряд металлических шкафов, зеленая краска с которых поднялась бугром, в некоторых местах через ломкие лоскуты проглядывала ржавчина.

«Коррозия», – ни с того ни с сего подумалось моряку. Он открыл один шкафчик, второй... Кроме полусгнившего тряпья и обуви, ничего не обнаружил. Машинально он потянул на себя шкаф и отпрянул. В гробовой тишине раздался оглушительный грохот, даже слегка заложило уши. За упавшим шкафом оказалась еще одна дверь, копия той, которая пропустила их в это помещение.

«Чем дальше, тем интереснее».

Моряк снова забыл про мальчишек, забыл об истинных целях своей миссии на этот остров. Он не жаждал приключений, но в нем вдруг проснулся юношеский романтизм, в котором хоть и присутствовали в воображении несметные сокровища, но не имели ценности как таковой.

Знакомая процедура – лом в штурвал-задвижку, короткие резкие движения, и вслед за первой дверью открылся короткий тамбур... совершенно сухой; а на рычагах запора видна загустевшая за годы белесая смазка.

Он открыл и эту дверь, теперь уже с неудовольствием подумав о том, что весь день может уйти на взламывание нескончаемых дверей.

Какое-то нетерпение просквозило в его действиях, когда он, шагнув в помещение, при свете фонаря оглядывал пол, потолок, стены, знакомые уже, но совершенно сухие стеллажи. Одни были пусты, на других лежали водолазные гидрокombineзоны, баллоны со сжатым воздухом для погружения под воду, грузовые ремни, диверсионные заряды в мягкой оболочке-«сумке». Капитан без особого труда отметил так называемую малую мину, весом в пятнадцать килограммов, начиненную блоком шашек.

«За один раз не увезем», – подумал он, сосчитав мины. Немалую ценность представляло и водолазное снаряжение, один гидрокombineзон потянет на... «Тысячу долларов», – решил Санников, попутно сделав еще одно арифметическое действие: исходя из количества водолазных костюмов, на этой базе дислоцировалась разведывательно-диверсионная группа численностью шесть человек.

Сейчас он подумывал над тем, куда все это спрятать. Оставлять хоть часть ценностей глупо. Не сегодня-завтра на остров могут наведаться непрошенные гости, те же охотники за цветным металлом, нередко на Приветливом останавливались браконьеры.

Мысли моряка пошли по иному руслу. Почему, думал он, при расформировании подразделения морского спецназа на острове оставили боевые заряды? Не забыли, нет, оставили намеренно, скрыв вход в помещение. Выходит, они до сих пор могли числиться в анналах разведки, проходить в документах под грифом «совершенно секретно».

«Надо уносить отсюда ноги», – решил капитан. Прихватить с собой самое ценное, остальное утопить. Но так, чтобы потом можно было достать.

Поманив за собой компаньонов, он выбежал на свежий воздух. Глаза заслезились от яркого солнца, зависшего над бастионом, не сразу попал в поле зрения катер, покачивающийся на волнах в десятке метров от берега. Якорь держал крепко, да еще страховочный фал, закрепленный на арматуре бетонного блока, вдоль которого стоял катер, служил подстраховкой.

Оглядев морской горизонт, не обещающий погодных сюрпризов, Юрий переключился на пацанов.

– Вот что, мужики. Мы сунули нос не в свое дело. Кто не умеет, будет учиться держать рот на замке. Сидите здесь, я скоро вернусь.

«Хорошие штуки», – одобрил он, продевая руки в лямки первой мины. Она удобно устроилась на спине. Вторую он понес в руках.

– Что это? – спросил Алексей.

– Деньги, – отрывисто ответил Юрий. – Реализацией займусь лично. Ваше дело молчать.

«Можно бросить все, – снова подумал он. – Однако молчать все равно придется. Так что выбирать не из чего». Он втягивал подростков в опасное мероприятие; но кто знал, что поджидает их на острове?

«Запугивать их бесполезно, – продолжил он, – только настроишь против себя. Сожалеть о случившемся равносильно прежним думам о молчании».

– Алексей, ты поедешь со мной. А вы, – он поочередно посмотрел на Михаила и Булата, – останетесь здесь. Ничего не трогать, иначе этот остров превратится в вулкан. Понятно? Более того, вы в катакомбы ни ногой. Вообще уйдите с бастиона.

В катере он вернулся к разговору, то и дело испытывая Алексея суровым взглядом.

– Сделаем так, Леша. Я отвечаю за товар, за деньги, а ты отвечаешь за своих товарищей. Ты лучше меня сумеешь убедить их, что в Каспии иногда тонут. Я не про себя говорю (тут он вспомнил о влиятельном и уважаемом дяде пацанов, Шамиле Наурове), а про хозяев бункера. Одно неосторожное слово, и мы живыми попадем под пресс.

– Нам не нужны деньги, – покачал головой парень.

– Дело ваше. Но язык держите на замке.

Запустив двигатель, Санников невольно сравнил себя с японским смертником, направляющим торпедный катер на вражеский корабль. Однако по шесть боевых зарядов в лодке не возил еще ни один камикадзе. Капитан третьего ранга Санников был первым.

* * *

Солдаты глупо попались, продолжил он начатую тему, толкнув, как на рынке, четыре десятка неуправляемых ракет. Тут сто раз подумать надо, прежде чем продать хотя бы писто-

летный патрон. Как к военному, к нему обратились однажды за обыкновенной взрывчаткой – тротил, пластик, что угодно. В то время его мысли занимал склад артвооружения своей воинской части. На склад просто так не попадешь, единственный путь – вооруженный грабеж.

Клиент клиентом, сразу к нему не подъедешь, считай, пойдешь по пути салаг, попавших на телеэкраны, вначале нужно придать себе солидный вид, упаковаться в фирменный костюм и не вонять грязными носками. Самую безобидную вещь, вывезенную с Приветливого, – гидрокостюм со всеми причиндалами, – у него купит хозяин местного яхтклуба Рушан Казимиров. Юрий давно завидовал бывшему моряку, который сумел вовремя и правильно сориентироваться в этом бесноватом мире: с бригадой в десять человек Рушан взял под контроль пищевой рынок Портовый. Собирает дань с браконьеров, ездит на «БМВ», ходит на яхте, попутно занимается любимым делом – ныряет с аквалангом. Пара бывших моряков-подводников работают в клубе инструкторами.

Этого за глаза хватало, чтобы раз и навсегда отказаться от встречи с Рушаном, однако здесь, в Южном, больше некому предложить ценное снаряжение. В Дербенте или Махачкале братвы много, но ни одного знакомого, останешься на месте выдвинутых предложений с контрольной дыркой в голове.

Рынок сбыта мал, нервничал Санников, даже водолазное снаряжение больше одного комплекта не продашь, а если и возьмут, то по бросовой цене.

2

13 июля, пятница

Рушан Казимиров, маленькие глазки которого говорили о хищных инстинктах, внешне спокойный и уравновешенный, вспоминал имя человека, стоящего на мостках. Отложив блок для стакселя, с которым он возился, Рушан пригласил Санникова на борт яхты. Глянув на мешок в ногах гостя, Казимиров без обиняков спросил:

- Что принес?
- Водолазный костюм. Есть еще комбинезон.
- Покажи, – попросил бывший подводник.

Он одобрительно покивал, взяв в руки черную куртку с капюшоном. Он сразу узнал в ней, изготовленной из неопрена, прочной губчатой резины, костюм типа «Нептун». Не совсем новый образец, хотя до сих пор он пользуется популярностью у подводных пловцов и состоит на вооружении подводного спецназа.

Внимательно разглядев куртку, Рушан взял в руки штаны, не обратив внимания на грузовой ремень, извлеченный гостем из мешка.

- Сколько ты хочешь за него?
- Санников для убедительности ответил на жаргоне:
- Тонну баксов.

Казимиров рассмеялся.

– Я дам за костюм двести долларов. Лет десять назад он стоил дороже. Не могу вспомнить твое имя, – без перехода, в полувопросительном тоне сказал подводник.

– Юрий, – назвал себя капитан, не скрывая недовольства. Местный авторитет не оставлял, да и не мог оставить шансов поторговаться. В полусутоливом тоне он поставил окончательную точку.

– А гидрокombинезон не нужен? – без воодушевления спросил Санников, поймав себя на мысли, что похож на ханыгу. – Новый комбинезон.

- С закрытым шлемом?

– Нет, с открытым. Маска тоже есть.

– Принеси, посмотрим. – Казимирову стало интересно, где этот парень набрал экипировку для боевых пловцов. В этой приграничной зоне раньше базировалась бригада морского спецназа, от нее остался лишь полуразрушенный солеными ветрами бастион. У нефтяников что-то не заладилось, они ограничились лишь разведработами и законсервировали скважину. В самом городке Южный только поговаривали о формировании новых элитных подразделений МВД, ФСБ и ГРУ.

Когда Санников принес обещанную вещь, Рушан поинтересовался насчет водолазного ножа, подводного пистолета...

Глаза капитана Санникова, пришедшего во второй раз, стали подозрительными. Он, так и не ответив, взял две сотни и ушел. Правда, у причала обладатель полной боевой выкладки группы морских диверсантов оглянулся.

Казимиров подозвал своего помощника Алибека Уварова.

– Приследи за ним, – велел он, кивнув на удаляющуюся фигуру продавца.

Уваров молча кивнул, блеснув желтоватыми белками глаз. Эти глаза, казалось, принадлежат больному, слабозлому человеку.

Потолкавшись на рынке, Санников привел Уварова к своему дому. Не заметив «хвоста», «засветил» дверь своей квартиры.

Дом номер пять по улице Артема, где проживал Юрий Санников, давно требовал капитального ремонта. А точнее, восстановлению не подлежал. Двухэтажный, по типу возведенных по всей стране пленными немцами, он лишился за последние два года половины своих жильцов. На первом этаже никто не проживал. На втором, кроме Санникова, обитал одинокий, лет сорока спившийся мужик и капитан-лейтенант Дюжин.

Единственный подъезд выходил во двор. Напротив по всей длине дома протянулись сараи, объединенные одной крышей. Сарай Санникова находился в середине. В нем – где на полках, где в погребе – хранились боекомплекты диверсионной группы.

Воровства капитан не опасался. Если и вскроют сарай, то Сергея Дюжина.

– Меня интересует подводный пистолет, – повторил про себя Санников слова Рушана Казимирова. – Где бы его взять?

В это время капитан целился в свое отражение в зеркале из специального пистолета «амфибия». Из унифицированного автомата на базе «АКС-74у» он уже целился.

Шотландское виски по двенадцать долларов за бутылку придало Санникову решимости, и он все же рискнул еще раз наведаться в яхт-клуб, чтобы поговорить за «классный ствол».

* * *

16 июля, понедельник

Санников набрал пива, угостился у соседа балыком и смотрел из окна на его катер, удаляющийся от берега, на сворачивающие во двор «Жигули» шестой модели. И вздрогнул вначале от громкого стука в дверь, а потом – взглянув в желтоватые глаза Алибека.

– Я от Рушана. Где можно посмотреть ствол?

По спине капитана пробежал холодок. Он договорился с Казимировым о встрече в яхт-клубе. Без посторонних. Хотя насчет посторонних речь не шла. И вот Рушан все переиграл. Впору бросить желтоглазому: «Кто так делает?»

От двух бутылок пива в голове возобновился начатый накануне процесс. Санников порадовался автомату, стоящему в шкафу, – так, на всякий случай.

С видом знатока Уваров осмотрел оружие, равнодушно бросил взгляд на второй магазин в руках хозяина.

– Ты не понял, – осмелел Санников, – он заряжен патронами «МПС» для стрельбы под водой. На суше эти патроны не уступают обычным. – После паузы добавил: – Автомат состоит на вооружении морских диверсионных отрядов. Берешь?

Алибек сверкнул золотыми фиксами, отчего его глаза пожелтели еще больше.

– Я возьму два.

– Со вторым заминка, – тут же отозвался моряк. – Вначале нужно сделать заказ, а потом ехать в другой город. Но прежде расплатиться за один ствол.

«Круто», – подумал он про себя.

– Сколько ты хочешь? – спросил гость, стирая носовым платком отпечатки пальцев с автомата.

– А сколько дашь?

– Ты хозяин.

Телевидение – вещь хорошая, недавно по «ящику» передали калькуляцию едва ли не на все виды оружия. Обычный автомат Калашникова с дополнительным магазином, пламегасителем и штык-ножом стоил на черном рынке тысячу двести долларов, пистолеты – от шестисот. Однако Юра продавал унифицированное оружие и накинул сверху еще тысячу:

– Две двести.

Уваров округлил до двух и кивнул:

– Привези ствол на автовокзал. Увидишь там «шестерку» белого цвета.

– Я в машину не сяду, – предупредил моряк.

– Как скажешь. Рассчитаемся у касс, – пошутил Алибек.

* * *

17 июля, вторник

С крупной суммой в кармане Юра прогуливался с Уваровым вдоль здания автовокзала. Отвечал на вопросы коротко – да или нет, иногда впадал в крайность и давал длинные пояснения.

– Из пистолетов есть бесшумная «амфибия». Дорогая. Полторы тысячи за единицу. Стреляет совершенно бесшумно, один глушитель двадцать сантиметров в длину. Правда, пистолет тяжеловат.

Санников досконально изучил найденное оружие, особой симпатией проникнувшись к «амфибии», этому уникальному пистолету, незаменимому в операциях морских диверсионных отрядов. «Амфибии» были закуплены у американской фирмы «Систем технологи» российской торговой организацией «Рос-Полимер» – само Министерство обороны из вооружения ничего не продает и не покупает, этим занимаются специальные фирмы, и называется это большой политикой. Даже для Санникова такие вещи были очевидными.

Он досконально изучил «амфибию», разработанную на базе «люгера», измерил и взвесил, поскольку первое ощущение – будто он приподнял старинный чугунный утюг. Вес с магазином оказался в пределах полутора килограммов, длина с глушителем составляла 33 сантиметра – едва ли не длина дверцы шкафа. Конечно, в воде он ничего не весил, а на суше стрелять из него по силам разве что гиревнику или штангисту. Впрочем, морские диверсанты – уникальные, как и это оружие, парни.

Санников стрелял из него и ничего не понял, когда на тетрадном листе – мишени – появилась дырка. Совершенно бесшумно. А вес пистолета почти исключал отдачу.

Моряк разработал план еще до расчета за автомат. Сейчас же, получив заказ на «калашников» и пару «амфибий», покачал головой: три единицы спрятать на себе не получится.

– Завтра привезу автомат, послезавтра – пистолеты.

Дома он произвел разборку «калашникова», что-то рассовал по карманам военной куртки, заткнул за пояс, завернул в тряпку и положил в полиэтиленовый пакет. Проверок он не боялся. Особенно здесь, в Южном. По дороге пассажирские автобусы не останавливают и не проверяют. В Дербенте его, одетого в морскую форму, рука не поднимется остановить ни у одного милиционера.

Но следить за ним будут, подтверждение тому – визит Алибека Уварова. В Дербенте он сумеет проходными дворами уйти от «хвоста», сесть на автобус и укатить домой. Важно при этом мероприятии убедить покупателя в том, что он не один, оружие хранит не дома. А пытливая мысль покупателя в итоге упрется в обветренную физиономию морского диверсанта.

Работы ума тут никакой, все складывалось автоматически, одно к одному. И вот ближе к вечеру следующего дня рейсовый микроавтобус доставил из Дербента утомленного капитана. Перед конечной остановкой Санников незаметно переложил в пакет содержимое карманов. Теперь можно было опасаться лишь ненадежности мешка, хранившего в себе разобранный автомат.

Юрия уже поджидала знакомая «шестерка». Он усмехнулся, принимая от Алибека деньги и передавая товар. Еще сегодня он сможет в очередной раз позвонить жене и попросить ее вернуться.

Моряк зря вешал лапшу на уши команде Казиминова. Они не упустили Санникова ни на секунду. Тот несколько раз петлял проулками и проходными дворами Дербента, потом, «оторвавшись», надолго засел в ресторане.

– Стволы Санников держит дома, – доложил Уваров, – он ни с кем не встречался.

– Завтра заведи у него деньги и оружие, – распорядился Казимиров. – Только не перестарайся, вначале выясни, откуда у него этот арсенал.

3

19 июля, четверг

Ирина Санникова решила – если все это окажется пьяной выходкой мужа... Она заранее сузила зрачки. Прежде чем пуститься в эту поездку, Ирина осмотрела себя в зеркало: внешность несчастливой женщины.

Этот кретин звонил ей всю неделю. В первый раз она по голосу безошибочно определила, что муж навеселе, нес всякую ахинею: мол, жизнь у них только начинается и все такое прочее. Во второй раз голос Юрия показался ей твердым, до некоторой степени суровым, однако в интонациях прозвучало что-то вроде раскаяния. Он каялся, подумать только!

А ведь было в начале их совместной жизни что-то романтическое, даже ожидание рождало в груди истому. Он появлялся в их конуре не героем, но на лице, как на приборной панели, светились показатели накопленной энергии. Он подсоединял к ней свои клеммы, и оба сутками тряслись на рыдване, громко именуемом диваном. Потом энергия мореплавателя кончалась, он шел аккумулировать ее в море. Он копил положительную энергию, она – отрицательную. И долго так, конечно, продолжаться не могло. Плюс нищенская зарплата, которую Ирина назы-

вала получкой, вкладывая в это слово все презрение к профессии моряка и тяжелой доле жены неудачника-морехода.

Сейчас она терялась в догадках. Юрий не нашел новую работу, но у него появились СРЕДСТВА открыть свое дело. Он так и сказал в телефонную трубку: средства. Многозначительно, будто передал из рубки команду в машинный отсек: «Полный вперед!» Она долго потом повторяла это слово, пока оно не потеряло смысл.

Откуда у него средства? И что за дело? Что-то буркнул про деловые связи с каким-то человеком.

В груди шевельнулась грусть, когда в конце улицы показался дом, родной дом. На женщину обрушились воспоминания, глаза заволокло... Она вспомнила первое свидание с Юрой, представившимся потомком открывателя «Земли Санникова». Звучная фамилия, красивая история подействовали на девушку соответствующим образом. Конечно, никакой он не потомок, в паспорте его деда допустили ошибку: был Банников, стал Санников. «Земля Банникова».

Полгода она не видела этих мест – и много, и мало. Все кажется знакомым, ничего вроде бы не изменилось, но глаза замечают что-то неуловимо-новое в старом – чувство, не передаваемое словами. Может, такие ощущения испытывал и Юра, возвращаясь из похода? Она не могла вспомнить, говорили ли они с ним на эту тему.

Ей всего двадцать шесть, а чувствует себя на все сорок. Походка... нелегкая, взгляд – лишь бы ожечь кого-нибудь, сорвать злость. В запасе пара вариантов начать разговор с мужем. Может, купить бутылку вина? Ну уж нет! Подумает, что она обрадовалась первому же предложению, причем ждала его все эти месяцы, но жеманничала и набивала себе цену во время трудных телефонных переговоров. Раз уж он такой деловой, сам должен позаботиться... об интиме? – вдруг мелькнула несуразная мысль.

Ирина выругалась. Уши внезапно зажгло, походка стала моряцкой, чуть враскачку, слабость морской болезнью окутала ее тело. Нет, в такой диспропорции – утомленной и с красной рожей – появляться перед мужем-буревестником опасно. Он теперь умный, со средствами, которые раньше знал только в сочетании с плавучими.

Она свернула с улицы к морю, к ненавистному морю, этой каспийской нефтяной луже с мазутными берегами. Вот что ей предложил когда-то моряк Санников. Завладел ею обманным путем, горячо шепча на ухо басню о молочной речке с кисельными крутоярами.

«Земля Санникова». Миф, мираж, пригрезившийся и ей, и якутскому мещанину Якову Санникову...

Она шла вдоль побережья, отчего-то отчетливо представляя контуры Каспийского моря, напоминающие желудок кролика, Волгу-пищевод, Урал-кишку... Сейчас она обойдет его и вернется на прежнее место, не вынеся из кратковременного путешествия ничегошеньки полезного. Впору возвращаться домой, позвонить мужу и откровенно сказать ему, что она не нуждается в его средствах. Объясняться с ним здесь – означало показать материальную заинтересованность. Он по-простецки подумает, что она, как голодная акула, клюнула на его предложение, постарается различить в ее взгляде алчный блеск.

Нет, все это, конечно, несусветная глупость. Ею сейчас овладела давно забытая робость, подняла со дна души неоправданное, на ее взгляд, волнение. Она ехала сюда, чтобы увидаться с мужем. По большому счету она к нему уже ничего не испытывала, однако ей захотелось возродить в душе давно забытое чувство первого свидания, что наполовину уже произошло. Так отозвалась в ее сердце нескончаемая лента дороги.

* * *

Связанный Санников сидел на стуле. Побои прерывались лишь на несколько минут, чтобы возобновиться с новой силой. Он потерял счет времени, заплывшие глаза уже устало отмечали менявшихся истязателей. Он думал только об одном: когда же его наконец добьют. На чудо он не надеялся. Сосед вернется только завтра к вечеру, другой – Николай Згибнев – если и появится, то, как обычно, пьяный.

Позади двухэтажки открытыми задними дверцами к сараям стоял микроавтобус «Фольксваген». Он уже дважды подъезжал налегке – не считая четырех пассажиров и водителя, и во второй раз был загружен до предела.

Казимиров здесь не появлялся, его «БМВ» стоял на привычном месте возле яхт-клуба.

Сосед Санникова проснулся от невыносимой духоты и распахнул окно. Его мучило вечное головокружение, глаза отвыкли смотреть нормально, все казалось раздвоенным, нечетким. Своего веса он давно не ощущал – вроде как в невесомости. Иной раз качнет, только тогда, ища руками и ногами опоры, он чувствовал себя на земле.

Николай перебивался случайными заработками, сегодня рано поутру вымыл пару машин и напился. Вот и еще одна, нуждающаяся в его неотложной помощи. «Фольксваген» – очень пыльный в глазах Згибнева, взирающего на него из окна второго этажа – стоял напротив Юркиного сарая.

Сунув ноги в тапочки, сосед проворно спустился вниз.

– Чего тебе здесь надо, мужик? – грубо осведомился появившийся вслед за ним парень.

– Живу я здесь, – так же вызывающе ответил сосед. – Машину помыть? Полтинник.

Уваров прищурился на покачивающегося незнакомца. Санников, отвечая на вопросы, назвал имена и фамилии всех жильцов, и этот мужик, хлопнувший дверью квартиры, скорее всего его сосед, Николай. Очень неплохо, подумал Алибек; он бы удивился, если бы узнал о том, что Санников – не единственный человек, знающий об арсенале с острова; что он, терпя побои, не выдал своих несовершеннолетних компаньонов.

– Тебя Николаем звать?

– Ну, – промычал Згибнев.

– Выпить хочешь? Мы как раз у Юрка собрались.

Уваров бегло, в очередной раз осмотрел двор. Одну сторону скрывали сараи, две другие прятали его от посторонних глаз за высоченными побегими тополя и зарослями вишни.

Не дав мужику ответить, Алибек увлек его за собой. Открыв дверь, втолкнул жильца внутрь.

– Мужик, ты сегодня так напился, что ничего не соображал. Зачем ты убил своего соседа?

От сильного удара Николай отлетел в угол комнаты. Ему хватило одного удара, чтобы, не сопротивляясь, брать в руку то бутылку, то стакан, которые ему подсовывали два парня. Потом его швырнули на связанного соседа. Пачкаясь в крови, Николай заглянул в изуродованное лицо моряка.

Кухонный нож ударил Санникова под ребра, еще и еще раз, потом ткнулся горячей ручкой в ладонь Николая. Он продолжал сжимать нож, когда его приподняли и изо всех сил швырнули на батарею. И снова убийцы точно все рассчитали: Николай врезался в чугунный радиатор, раскроив себе череп. Дернувшись пару раз, затих навсегда.

Стул со смертельно раненым капитаном развернули в сторону падения соседа, создавая иллюзию удара ногами, и опрокинули. Голова Санникова тяжело ударилась о пол. Раны на его теле были глубокими, кровь вытекала сильно и равномерно.

«Через две-три минуты с ним будет кончено», – напоследок подумал Алибек и даже посмотрел на часы.

Чем ближе было к дому, тем больше нервничала Ирина. Она открыла сумочку. На клапане с внутренней стороны было приделано зеркальце. Снова осмотрела себя: человек-загадка.

Она шла вдоль побережья, обходя мусорные кучи, обломки бетона с торчащей арматурой. Еще пара-тройка домов, тарачившихся на нее сетками от комаров, и пора сворачивать. Дом Санникова находился на нечетной стороне улицы, его пока не видно. Зато воображение проникало даже за его стены. Там, поджидая ее, гладко выбритый, не находит себе места капитан третьего ранга.

Романтично.

Прежде чем выйти на улицу, Ирина смахнула с босоножек пыль, поправила прическу. Покосившись на беснующегося в соседнем дворе кобеля, прошла между домов.

4

Следователь городского отдела внутренних дел Усман Рашидов, худой, с темными, словно провалившимися глазами, смотрел то на тело капитана третьего ранга, то на участкового, встретившего следственную группу. Оба вызывали в нем отвращение.

– Опроси жильцов из соседнего дома, – распорядился Рашидов, бросив взгляд на сутулую фигуру оперативника Амдалова, одетого как на демонстрацию: свежая рубашка, пиджак, начищенные кожаные туфли. – Погуляли тут лихо, не могли не нашуметь.

Следователь с опаской посмотрел на просевший потолок: долго здесь задерживаться не стоит.

– И найди пару понятых, – бросил он вслед оперативнику.

Едва начавшись, осмотр места происшествия дал первые результаты: под столом-книжкой был обнаружен патрон, внешне похожий на автоматный калибра 5,45 миллиметра. Уже кое-что, подумал Рашидов: кроме пьяной драки после обильного застолья, а затем откровенной расправы над хозяином, можно выдвинуть пару дополнительных версий – капитан либо хранил патроны, либо занимался их продажей.

– А как ты представляешь себе картину преступления? – спросил он судебного медика, закончившего предварительный осмотр трупов. Эксперт имел богатый опыт, прослужив в органах два десятка лет. Он взирал на мир потухшим взглядом, имел маловыразительное лицо, страдал отсутствием интереса к окружающему.

– Рана на голове... как его фамилия? – Медик указал рукой на труп у батареи.

– Згибнев, – подсказал участковый, одетый в форменную рубашку и мышинного цвета брюки.

– Так вот, – эксперт снова обращался к следователю, – рана на голове Згибнева не вписывается в твою версию, на которую кто-то поработал. Чтобы так треснуться головой, – нараспев и с выражением произнес он, – нужно хорошенько разбежаться. Не мог связанный толкнуть нападавшего с такой силой. И другой момент: в случае удара на груди предполагаемого убийцы должны остаться синяки. Тело же чистое, исключение составляют запястья и правая часть лица.

– Кто-то приложился к нему кулаком?

– Возможно, еще кто-то держал его за руки, – подтвердил эксперт.

– Нападавший был левша?

– Не исключено. И еще обрати внимание на их телосложение, – медик указал на тщедушное тело Згибнева, затем на Санникова, – и сравни. Ссора закончилась бы скоро и не в пользу Згибнева. Конечно, ты можешь сказать о предательском ударе сзади... – Эксперт выра-

зительно замолчал. – Кроме этих двух, – он снова указал на трупы, – здесь поработали еще минимум два человека.

– Они и убили обоих, – по инерции закончил хмурый Рашидов, отличительной чертой которого был гнусавый и невнятный голос. К тому же он имел привычку не к месту вставлять излюбленную фразу: «Как говорится». Причем у него выходило: «Кагытся» – больше похожее на «кажется».

– Возможно, патрон обронил убийца, – высказался оперативник, обнаруживший ценную находку.

– Каким образом? – спросил следователь. – Прохудился магазин?

– Заклинило автомат, стрелок передернул затвор, патрон выбросило.

– Я понял, – перебил Рашидов, издеваясь над молодым сыщиком: тому постоянно мерещились дикие перестрелки. – Когда убийца расчухал, что автомат неисправный, он сбегал на кухню за ножом.

Следователь не знал, радоваться ему или огорчаться. Уже сегодня ему предстояло нанести визит по месту прохождения службы капитана, выяснить специфику его работы, имел ли он доступ к боеприпасам и тому подобное.

На кухне Усман присел возле Ирины Санниковой и посочувствовал ей минутным молчанием. Оставив ее в покое, вышел во двор. Там Амдалов вел опрос жильцов из ближайших домов, ибо все они, как мухи на засахаренное варенье, слетелись сюда. Следователь отозвал оперативника в сторонку.

– Не нравится мне жена Санникова.

– В каком смысле? Она вроде бы ничего.

– В том смысле, – Рашидов повысил голос, – что ее муж в комнате мертвый, а она на кухне, и в глазах ни слезинки. Всем было бы легче, если бы она не приезжала. Но она приехала. Зачем? Чтобы на нее, кагытся, обвалился потолок? Единственная ценная вещь в квартире покойника – автоматный патрон.

Неприятности одна за другой валились на голову следователя. Во-первых, автоматный патрон оказался не 5,45-миллиметровым, а специального калибра 5,66 миллиметра, то есть для подводной стрельбы. Такие патроны применяются в специальных унифицированных автоматах Калашникова, состоящих на вооружении в диверсионно-разведывательных отрядах. В сарае нашли стреляные гильзы от высокоскоростного пистолетного патрона того же назначения.

«Вперся!» – восторгался собой удрученный следователь. Поймав свое отражение в зеркале, отметил отличительные черты пессимиста и неудачника – направленные вниз уголки губ и глаз.

Теперь Рашидов прикидывал, дадут ему довести это дело до конца или нет. Если не дадут, то каким способом. Лучший вариант – остановиться на предварительной версии пьяного беспредела. С патронами для подводной стрельбы можно опуститься очень и очень глубоко.

Опрос жильцов близлежащей двухэтажки показал, что последние день-два Юрий Санников стал хорошо одеваться, это подтвердила новая фирменная куртка в квартире покойного капитана; жил на широкую ногу, об этом говорили бутылки из-под виски и местного «Абсолюта». Два раза он пользовался катером соседа. Куда ходил на нем? Исходя из просьбы, за цветметом на Приветливый. Как бы то ни было, но поездки на катере так или иначе изменили жизнь моряка.

Поздно вечером после оперативного совещания Рашидов остался один на один с начальником отдела майором Санжаровым.

– Я предлагаю похерить улики, – заявил Усман, – изъять из дела документы о производстве экспертизы и закрыть его по причине смерти подозреваемого. Зачем нам лишняя головная боль?

Санжаров, коренастый, с угрюмым лицом, молча прошелся по кабинету. Заложив руки в карманы брюк, посмотрел во двор отдела, загаженного строительным мусором.

– У меня есть другое предложение. Давай вызовем начальника УФСБ и поговорим с ним.

Через полчаса в кабинет вошел недовольный, с запахом спиртного майор ФСБ Петрунин и долго соображал, чего хотят от него менты.

– Я должен выбрать между долгом и совестью, – наконец сказал он.

Милиционеры переглянулись.

– Красиво сказано, – похвалил Санжаров. – Мы дарим тебе патрон, а ты вешаешь его на цепочку в качестве украшения.

– На шею, – заметил Петрунин, демонстративно расстегивая ворот рубашки и оголяя волосатую грудь. – Я повешу его себе на шею – будет ли цепочка золотой или оловянной. Да еще буду носить в кармане справку-экспертизу о его подлинности. Вы что, просто не могли его выбросить?.. Хорошо, я возьму патрон... и буду чесать задницу – а вдруг кто-то из вас сболтнет? Нет, вы действительно повесили мне это дело на шею.

– С нас литр, – Санжаров спрятал улыбку. Интуиция подсказывала ему, что через пару дней его отдел избавится от этого дела.

– Дело может оказаться серьезным, – дополнил Рашидов. – Кроме целого патрона, есть еще стреляные гильзы, пули, которые извлекли из стены сарая.

– А еще одного трупа нет? – Комитетчик поочередно оглядел милиционеров. – Ну, договаривайте.

– Черт его знает... Может, еще появится.

Петрунин не стал дожидаться очередного трупа, не стал он и докладывать начальству. Он наведился к своему знакомому, капитану военно-морской разведки.

Глава 2

Застарелые язвы

5

Москва, Главное разведывательное управление, 20 июля, пятница

Поздоровавшись с капитаном первого ранга Шестаковым за руку, генерал-майор Прохоренко не спешил сесть за рабочий стол. Высокий, грузный, пятидесятилетний начальник управления оперативной разведки ГРУ, две недели назад назначенный на эту должность, немного постоял у раскрытой шторы кабинета.

Шестаков тоже остался на ногах. Усмехнувшись своим мыслям, что впервые видит шефа со спины, разглядывал его пордевшую шевелюру на затылке, сцепленные за спиной руки.

Капитан первого ранга имел представительный вид: высокой лоб, седоватые виски, тонкие эгоистичные губы, маленькие пронизательные глаза. Одевался, как правило, в серый костюм и нейтрального цвета галстук.

– Чем занимается ваш отдел, Владимир Дмитриевич? – Генерал наконец вернулся на свое место и жестом усадил подчиненного за стол.

Шестаков слегка нахмурился, не зная, как ответить. Вопрос если не коварный, то двусмысленный. При сурово сдвинутых бровях шефа его можно было расценить как недовольство. Сейчас лицо генерала выглядело «неудобочитаемым» – все эмоции как бы сбалансированы. Взгляд сероватых глаз, выражающих упрямство, направлен мимо собеседника, тонкие губы плотно сжаты.

– Работаю по Дагестану, – осторожно напомнил Шестаков, поскольку не далее как вчера получил от Прохоренко распоряжение действовать по первому приоритету. – По факту хищения с законсервированной базы вооружения боевых пловцов, – добавил Шестаков.

– Давайте подробней, – потребовал генерал. – Что нового удалось узнать?

– Хищение совершено предположительно капитаном Юрием Санниковым. Судя по донесениям – неудачник, уволился со службы, перебивался случайными заработками. Его труп нашли в его же квартире. Там же обнаружили патроны и гильзы от унифицированного оружия.

Генерал жестом потребовал материалы дела и раскрыл перед собой пожелтевшую папку. Пока Шестаков рассказывал, Борис Викторович успел прочесть несколько страниц, остановившись на акте, едва ли не основном документе, испещренном подписями и скрепленном печатями. Из него следовало, что в комиссию по консервации входило восемнадцать человек – многовато для консервации даже секретной базы. Однако чуть позже выяснилось, что шесть подписей принадлежат бойцам из диверсионно-разведывательного отряда «Гранит». Они-то зачем подписались, удивился Прохоренко. Хватило бы одного росчерка командира группы боевых пловцов: он сдает, комиссия принимает.

– Вас не удивляет скорость? – спросил генерал. – Я вижу здесь ссылки на приказы командования ВМФ, но не обнаружил копий этих распоряжений. – Прохоренко перевернул несколько листов: лишь номера, даты и громкие фамилии. – Объяви войну, и то так быстро не смогут мобилизовать или перебросить секретное подразделение.

– Два, – подсказал Шестаков, – включая морской спецназ, а это сто пятьдесят человек.

– Сроки консервации не определены, – закончил генерал. – Продолжайте, я слушаю.

– Переброску оборудования предполагалось провести подразделением технического обеспечения – борт научно-исследовательского судна «Михаил Травин»⁴. Собственно, на борту «Травина» и хранились боевые заряды. Однако коса нашла на камень: в связи с капитальным ремонтом судна боевые заряды временно поместили на морскую базу.

Внимая подчиненному, генерал отыскивал соответствующий документ. Сейчас он пробежал глазами справку. Из нее следовало, что судно, названное в честь исследователя Каспия, списали летом 92-го года как непригодное к эксплуатации, то есть спустя месяц с начала ликвидации морского разведпункта и два месяца – с мая 92-го года – с начала образования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Прохоренко кивнул головой и закрыл папку. Акты о списании «Михаила Травина» были последними в этом странном деле. До сегодняшнего дня к нему не возвращались.

– На умысел не похоже, но все одно к одному. – Собственно умысел в представлении генерала представлял собой смесь безалаберности и спешки. Что касается консервации базы, то это обычная стратегическая практика. Российские тайные базы с оружием разбросаны по многим зарубежным странам. Есть и небольшие тайники, есть и целые подземные бункеры.

Шестаков намеренно не затронул еще одну серьезную тему, точнее, она прозвучала вскользь. При законсервированной базе и нетронутых боевых зарядах все члены диверсионного отряда были не опасны, а при исчезновении зарядов становились опасными хотя бы в информационном плане. Спецслужбам последние годы не везло. На них сорвались, как цепные псы, все кому не лень. Прежде чем сделать шаг, надо сто раз оглянуться.

– У меня еще пара вопросов.

– Слушаю, Борис Викторович.

– Вы начали проверку бывших «гранитовцев»?

– Да, такая проверка началась. Она тем более необходима, что все, кроме Родиона Ганелина, ушли со службы по разным причинам. Не исключено, что кто-то из них побывал на базе.

– С Ганелиным уже беседовали?

– Да. Сразу же, как только установили его непричастность к хищению. А вот его бывший командир Андрей Овчинников не имеет на день совершения преступления алиби. Он женат, двое детей. С его слов, в тот день он проводил время с любовницей.

Шестаков усмехнулся. Овчинников упорно не хотел называть имя женщины, однако сдался, поскольку дело оказалось серьезное.

– Его любовница, – продолжил он, – молодая жена управляющего столичным банком «Мегаполис», в котором Овчинников возглавляет службу безопасности с исполнением функций личной безопасности руководящего состава банка. То есть он личный телохранитель управляющего.

– Равно как и его супруги, – заметил Прохоренко. – Сколько же длилось их последнее свидание?

– Трое суток. Босс Овчинникова отправил свою половину и малолетнего ребенка в правительственный санаторий «Волжский утес». Андрей, разумеется, сопровождал их. Потом якобы отправился с инспекционной проверкой в Новоград – там есть филиал «Мегаполиса», а служба безопасности номинально подчиняется шефу столичного банка, то есть Овчинникову. Новоградские охранники попали в щекотливое положение. Овчинников действительно нагрелся с проверкой, но только на два дня позже. Впору предположить любовный сговор – для управляющего банка. В нашем случае сговор носит иной характер. Так или иначе бывшему командиру «Гранита» неприятностей не миновать.

⁴ Подобные суда снабжают диверсантов информацией о гидрографических условиях в районе высадки, осуществляют звукоподводную связь, обеспечивают гидроакустическими маяками, совершают скрытую заброску и прием на борту. (Из материалов А. Тараса и В. Бешанова.)

Да, кивнул Прохоренко, в воображении которого не сам Овчинников, но его кабинет предстал как гардероб, куда можно навешать собачьих шуб.

– Продолжайте работать в этом направлении, – распорядился он. – Вернемся к Родиону Ганелину. Он ваш агент?

– Нет, «свободный» агент. – Шестаков сделал ссылку на заместителя Прохоренко. – Полковник Карагаев разрешил привлечь его к делу. Во-первых, потому, что опыта Ганелину не занимать. Во-вторых, Родион знает все о консервации базы. Таким образом мы ограничим круг лиц, посвященных в это дело, до минимума.

– Помощники Ганелину не нужны? – Вопрос за вопросом генерал потихоньку добирался до главного. И тем не менее «спускался» все ниже, до рядовых агентов. За две недели работы в управлении Прохоренко, руководивший до этого аналогичным управлением в ФСБ (управление военной контрразведки), сделал немного, пока только осматривался и «обживался», распоряжения на первых порах согласовывал с опытным полковником ГРУ Карагаевым и тем самым потихоньку овладевал ситуацией. По одному принимал у себя офицеров управления, беседовал с ними, относительно каждого делал выводы и заносил данные в отдельную папку.

– Помощники? – переспросил Шестаков и едва заметно покачал головой: Ганелин отправляется на оперативно-разыскные мероприятия, в его распоряжении окажутся офицеры из морской разведки на Каспии – консультанты и помощники. Они уже включились в работу: тщательно обследовали базу и восстановили действия неизвестного с большой точностью. Кто-то, обрубая кабель, выбил кусок от стены-ширмы. Затем простучал всю стену (на то указывали небольшие выбоины), освободил дверь, обнаружил вооружение.

Сам Шестаков позволил себе усомниться в этом. Знай он все о базе, поступил бы так же, чтобы отвести от себя подозрение: надрубил кабель, простучал стену... Пятьдесят на пятьдесят, думал он, подозревая в хищении кого-то из бывших «гранитовцев». Арсенал стоил очень дорого, взять хотя бы мины – боевые, настоящие, не какие-то мешки с гексогеном. Компактные, не очень тяжелые. Да еще система приведения в боевое положение впечатляла: взрыватели приводятся в действие и ставятся на предохранитель по радиосигналу. К тому же мины оснащены приборами неизвлекаемости.

Санников мог действовать по наводке. На месте организатора похищения Шестаков поступил бы так же. Нашел бы слабовольного человека с тощим кошельком, заключил с ним сделку, получил основную часть товара, остальное утопил. Потом бы устранил свидетеля.

Однако дальше получалось чуть сложнее. К чему оставлять на месте преступления патроны и стреляные гильзы, которые, как компас, указывают на остров Приветливый? Поскольку сроки консервации в деле не оговорены – ни к чему. Со дня хищения мог пройти год, два. А это означало бы, что поезд ушел и догнать его нет никакой возможности.

Шестаков пришел к выводу, что подброшенные улики осложняют положение воображаемого организатора. А что, если Санников утаил часть вооружения? Автомат, пистолет, боеприпасы к ним? Не исключено. И это главная ошибка организатора. Равно как и устранение свидетеля – у него же на квартире, на месте главных событий, непрофессионально, лишая себя алиби. Если, конечно, он не сфабриковал его. А мог он привлечь к делу третье лицо? Опять спорный вопрос. Профессионал мог так сделать, чтобы именно на третьем лице обрубить нить, ведущую к нему.

Все вставало на свои места, когда Шестаков отбрасывал версию спланированной акции, оставляя лишь Юрия Санникова – одного, с зубилом и молотком в руках.

Оставалось выяснить, с чего Санников начал торговлю. Вряд ли с оружия. Скорее всего с аквалангов. Правда, мог толкнуть товар богатым предпринимателям. А мог заезжим. Но это маловероятно. В Южном есть яхт-клуб с приличной базой для подводного плавания – единственное место в городке, где можно сбыть акваланги. Этим и должен заняться Родион Ганелин.

– Расскажите про Ганелина, – попросил Прохоренко, видя легкое замешательство на лице подчиненного.

– Родион начинал службу в бригаде морской пехоты, – начал Шестаков. – Затем ему предложили пройти двухгодичное обучение в специальном центре нашего ведомства на Балхаше. Обычная программа: прыжки с парашютом, высадка с вертолетов по канатам и без них, выход из подводных лодок, торпедных аппаратов. Учения по захвату аэродромов, командных пунктов, узлов связи.

Генерал едва заметно покачал головой. Он надеялся услышать другое – человеческие качества агента. А про навыки боевых пловцов он знал достаточно. Их учили выживать в любых условиях, осуществлять побег из плена, работать на всех типах радиостанций, владеть различными техническими средствами, преодолевать рубежи подводной обороны.

– Затем служба в подразделении «Гранит» на Каспии, – продолжал Шестаков. – Поучаствовал в конкретных разведывательно-диверсионных операциях.

– Когда вы планируете отправить Ганелина в командировку?

– Завтра он отправится в Дагестан. Недалеко от Дербента, в отеле «Богосская вершина» на его имя забронирован номер. Документы, оружие и необходимые данные по этому делу получит сегодня. Разрешите вернуться к началу разговора, Борис Викторович?

«Давайте», – тяжелыми бровями разрешил генерал.

– Местная милиция и ФСБ не захотели брать на себя опасное дело, – не очень осторожно высказался Шестаков – перед ним сидел бывший генерал ФСБ. – С одной стороны, это плюс нам, с другой – минус. Начав сейчас операцию вроде «Перехвата» или «Кольца», можно только переполошишь похитителей. А им первое время необходима передышка, что ли. Тем более оперативных данных у нас практически нет.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил генерал. – Ганелин отправляется один?

«Это он про помощников», – вспомнил Шестаков, едва не ответив дерзко: «Нет, помощники ему не нужны».

– Так точно, Борис Викторович.

Прохоренко ответил на телефонный звонок и некоторое время провел в раздумье.

– Вот что, Владимир Дмитриевич... – Снова пауза, во время которой генерал поменял постановку вопроса. – Чем у вас занимается Марковцев?

Этот вопрос живо напомнил Шестакову начало разговора, когда шеф тяжело поинтересовался: «Чем занимается ваш отдел?» Капитан рискнул предположить, что именно про Марковцева и хотел спросить начальник управления. И здесь ничего удивительного не было. Несколько дней назад генерал потребовал от Шестакова список агентов его отдела. Пробежав бумагу глазами, поставил напротив двух фамилий галочки и затребовал на них досье. Одним из агентов, которым заинтересовался начальник управления, был Сергей Марковцев.

– Ничем конкретно, – ответил Шестаков.

– Вы планируете еще раз осмотреть базу?

– Да. Необходимо, чтобы Родион своими глазами осмотрел место взлома.

«Да, место там тихое, надежное... – представил генерал. – Лучше и не придумаешь». Что-то романтическое всколыхнулось в его душе. Не грубый выстрел в затылок агенту где-нибудь в грязном подъезде, а смерть на вершине крепости. Может, оттого так образно мыслил генерал, что горный Дагестан, название отеля так или иначе напомнили ему о дуэли Лермонтова в Пятигорске.

– Услуги Марковцева нам больше не нужны, – согнав мимолетное оцепенение, распорядился Прохоренко. – Ясно, Владимир Дмитриевич?

Ответом генералу послужил запоздалый кивок подчиненного.

* * *

Перед сменой руководства в Главном разведывательном управлении, обусловленной назначением на должность министра обороны бывшего генерала внешней разведки, начальники управлений и отделов Главка получили передышку. Для них настала пора межсезонья. Причем двойная: период полураспада генерала-спрута – старого руководителя Аквариума, и период становления-ознакомления с коллективом нового начальника. Последний явился, как нечистая сила, из Федеральной службы безопасности. Развалят аппарат, справедливо думали офицеры ГРУ, как развалили бывший Комитет госбезопасности и приступили к сносу МВД.

Газета «Независимое военное обозрение» задолго до назначения нового министра обороны предрекала отставку начальника ГРУ: считалось, что генерал-полковник предан только своему мощному ведомству и ни под кем ходить не станет; не станет и лицемерить, изображая преданность. Вместе с начальником военной разведки свои посты оставили шесть из двенадцати начальников управлений, их места заняли генералы из СВР и ФСБ⁵.

Шестаков находился на распутье двух дорог. Выбрав одну, шел по ней осторожно. ГРУ – не то место, где зря мелют языками о кадровых перестановках. Каждый начальник, начиная с отдела и кончая управлением, достаточно четко представлял сложившуюся ситуацию. Агента останетса нетронутой, но вот среди особо приближенных к бывшему начальнику ГРУ агентов начнется чистка. Уже началась.

Докладывать о положительных результатах старому начальнику и новому – две большие разницы. Если старому как бы приелась успешная работа подчиненного, то на нового успехи произведут особое, первое впечатление. Первое – вот в чем соль. И Шестаков решил поднажать на дело о хищении арсенала боевых пловцов. Однако особого воодушевления не чувствовал.

Что касается особых агентов, то Борис Викторович Прохоренко, лично знавший Марковцева (последнее звание подполковник спецназа ГРУ, конспиративная кличка Марк), – знал и подробности его побега из колонии строгого режима. Марк убил своего напарника по работе в котельной, спрятал труп, а робу покойника с биркой «Филимонов В. А. 2-й отряд» подложил в грузовую машину, покидающую зону. Спецовку обнаружили уже за пределами колонии при выгрузке готовой продукции. Филимонова объявили в розыск, а Марковцев поджег котельную, оставив внутри труп напарника, и бежал в мусороуборочной машине. Сбежал достаточно легко, поскольку числился на тот момент обуглившимся трупом.

Сергей был удивительным человеком, в своем рапорте на имя начальника профильного отдела управления военной контрразведки ФСБ он описал детали своего побега в стиле Дейла Карнеги: «Я и мой напарник смотрели на мир через решетку тюрьмы. Он видел грязь, а я видел звезды».

Возможно, Марковцев «прижился» бы в профильном отделе в качестве секретного агента по особо важным поручениям, если бы не откровенное предательство комитетчиков. Сергей выбрал тяжелый, но единственный вариант – поменял одно ведомство на другое и стал агентом ГРУ.

Отдел капитана первого ранга Шестакова, куда входил Марковцев, представлял собой едва ли не стандартное подразделение при мощном силовом ведомстве любого государства. Кроме оперативной рутин, его функции – определение и последующее устранение источни-

⁵ По материалам газеты «Независимое военное обозрение», министр обороны принял решение о замене руководства шести из 12 структурных подразделений Главного разведывательного управления на должностных лиц из «конкурирующей» фирмы – СВР, а также – ФСБ. Наблюдатели сошлись во мнении, что замена начальника основных подразделений ГРУ – не что иное, как подготовка к увольнению начальника ГРУ Валентина Корабельникова и назначению главой ГРУ одного из коллег министра обороны по СВР. Ветераны ГРУ усматривают за переменами ликвидацию Главного разведупра как самостоятельной системы.

ков, представляющих государственную опасность («внесудебные убийства, провокации, теракты, похищения»). В отдел входило несколько групп по четыре, пять человек в каждой: группа наружного наблюдения, группа оперативно-технических мероприятий, занимающаяся ко всему прочему прослушиванием пейджеров, сотовых телефонов, и группа секретных агентов-боевиков.

Наверное, потому, что Сергей представлял собой «носителя секретов государственной безопасности» и был чересчур информированным агентом, его и решили убрать.

По большому счету Марковцев, кроме деликатных заданий – планирование убийств и собственно ликвидация, – больше ни на что не годился. Он не числился в розыске, но мог попасть в розыск, если бы его случайно опознали. Ниточка потянется, навернет на себя секретные отделы ФСБ и ГРУ. Как бы ни были натянуты отношения между ФСБ и ГРУ, они часто работают вместе, не так часто, но делят ответственность пополам или согласно ранее обговоренным долям.

Как бы то ни было, Шестаков решил выжать из «покойника» Марковцева максимум полезного, помня о первом приоритете в этом деле. А дело о хищении арсенала с законсервированной базы на первых порах могло оказаться полезным именно для Шестакова. В случае непредвиденных обстоятельств с прошлым Сергея можно поиграть. Если Ганелин агент как бы в чистом виде, то Марковцев – агент-смертник, преступник и тому подобное.

Временное замешательство Прохоренко Шестаков понял по-своему. Насчет участи Марковцева генерал определился заранее, колебался же по другой причине, спрашивая: «Помощники Ганелину не нужны?» Намек на Ганелина как на исполнителя? В Дагестане? Но почему не открытым текстом? А вообще – это мысль. Марковцев – думающий агент – успокоится: ему дают задание. Он ведь отчетливо понимает свое положение в ГРУ в обновленном варианте и может расценить это в виде ходатайства или своего рода просьбы самого Шестакова оставить отдел и его агентуру без изменений. Что ни говори, агент он ценный.

Вообще на двойных стандартах погорело немало руководителей спецслужб. Тут важно умение чувствовать ситуацию.

В этом деле Шестаков довольно отчетливо видел грань и не опасался переиграть. А игру он строил на полной открытости информации по консервации базы, хищению вооружения. Хотя порой чрезмерная откровенность настораживает. Главное, не заводить разговора о грядущих перспективах, заданиях. Многие агенты поплатились, выполнив последнее задание. И прихватили с собой в могилу важные секреты.

Впрочем, Шестаков «не гнал лошадей». Имея первый приоритет, он передаст часть инициативы Ганелину. Коли Родион посчитает необходимым убрать Марковцева, так тому и быть. Все покажут первые результаты оперативно-разыскных мероприятий.

Не откладывая дела в долгий ящик, Шестаков вызвал к себе Родиона Ганелина. На свой лад интерпретированные недомолвки и колебания Прохоренко могли обернуться для начальника отдела крупными неприятностями.

Глава 3

По волчьим законам

6

21 июля, суббота

Одетый в темно-синюю клетчатую рубашку и тупоносые модные туфли, Сергей Марковцев вошел в магазин и оглядел вначале стеллажи с товаром. Потом неохотно и с недовольным видом скользнул глазами по слегка вытянутому личику молоденькой продавщицы с грустными голубыми глазами, облаченной в униформу магазина – белую блузку и накрахмаленный фартук с синей оборкой, больше похожий на передник горничной. Слегка округлив глаза, девушка улыбнулась, кивнув головой в белоснежной пилотке.

Сергей ответил на дежурное приветствие и медленно подошел к прилавку, бросив еще один взгляд на соседний отдел, где в отсутствии покупателей беседовали две продавщицы. Та, что стояла к Сергею спиной, была чуть пониже подружки и показалась Марковцеву коренастой. Пробежав глазами по ценникам, он выложил на прилавок десятирублевку.

– стакан гранатового.

Полубернувшись на соседний прилавок, Сергей пригладил волосы, тронутые легкой сединой лишь на висках, и представил, только лишь представил, как направляется к прилавку, бесцеремонно стучит пальцем по плечу девушки, как вытягивается и бледнеет ее лицо, как поспешно, не сводя с отца глаз, словно боясь, что он уйдет, она обходит длинный прилавок. А сам Сергей идет ей навстречу и думает, что последние три года был несправедлив к дочери.

С каждым прожитым днем он забывал ее и на нее же злился, удерживая в голове прилипший образ порочной девчонки, который не мог быть иным в его глазах, ибо она выросла. Порочным было все: короткие юбки, накрашенные ресницы; девчоночье кокетство уже проснулось в ее четырнадцать лет, и любое ее слово, любой жест казались распутными. Наверное, Сергей ревновал дочь, понимая, что поступает глупо, однако о поступках речь не шла: от того, что заложено в родителях природой, не избавишься, можно только упражняться в равнодушии, прятать свои чувства за любыми эмоциями, той же злостью, к примеру, которая отчасти притупляла ревность и ставила Сергея в один строй похожих на него отцов.

А было бы здорово держать ее руки в своих, разглядывать ее лицо и дать посмотреть на свое и сказать самому себе: «Она молодец, вся в меня».

Свои вопросы к дочери он перенес на голубоглазую продавщицу:

– Нравится работать в магазине?

– Кому-то ведь нужно работать продавцами, верно?

Сергей отметил, что ответ девушки был таким же дежурным, как и ее улыбка.

– Не сердитесь, – извинился он, – как только я стану надоедать вам, пошлите меня к черту.

– Место не куплено. Стойте сколько хотите.

Сергей не стал обременять себя вопросом, почему Ольга выбрала себе такую работу, похоронив и сопутствующее восклицание: «Почему именно моя дочь?!» – отчасти потому, что ответ уже получил от голубоглазой продавщицы.

Не судьба, подумал он, и в этот раз поговорить с дочерью, просто показать ей, что он жив. А она, возможно, отвечая на вопрос, где ее отец, называет дату его смерти: 14 ноября

2000 года. Скоро ли наступит тот счастливый миг, когда он обнимет свою дочь? Может, после задания в Дагестане?

Встреча со своим новым партнером должна состояться в отеле «Богосская вершина», что в нескольких километрах от Дербента. На имя Марковцева был забронирован номер – скорее всего двухместный, разделит он комнату с Родионом Ганелиным.

С декабря прошлого года – это первое задание Марковцева в качестве агента ГРУ. Как о таковой, о работе он не скучал, тяготило откровенное безделье на секретной «даче» разведывательного управления, расположенной в Химках (Вашутинское шоссе), нервировали всевозможные инструкции, рекомендации, правила слежения и определения слежки за собой, которые ему подсовывали, как куски мяса голодному зверю в зоопарке. Чувствовал себя беспомощным курсантом, ибо в реальной ситуации повел бы себя иначе, не по инструкции, не по правилам. Поскольку «противник не дремлет», как и Марковцев, изучает подобные установки и директивы.

Из одной крайности Сергей кинулся в другую: «Зачем я здесь? Что накренило меня к гранатовому соку, который я не люблю?»

Его ждали горы Дагестана, отель, судя по названию, на самой вершине. А сейчас... пора прощаться с дочерью.

Часть своего паршивого настроения Сергей перенес на голубоглазую продавщицу:

– Сок у вас прокислый.

И вышел из магазина.

Он торопился, из Люберец ему за час нужно было добраться до центра Москвы.

* * *

Сергей встретился с Катей Скворцовой на Кузнецком Мосту и, взяв под руку, увел в сторону от Большой Дмитровки, где находился офис профильного отдела контрразведки ФСБ.

– Где пропал? – Катя высвободилась и сама взяла его под руку. – Ничего не сказал, ни записки, ни звонка.

– Работа такая.

– Работа? – усомнилась Катя, разглядывая энергичное, полное сил лицо Сергея. – Я знаю, как ты работаешь. В лучшем случае, возвращаешься живой.

Он улыбнулся ей, слегка приоткрыв губы, в свою очередь разглядывая ее красивое, чуть продолговатое лицо. Прошло три месяца, как они не виделись. Она вся в белом – блузка с рукавами-фонариками, брюки. Глаза смотрят сквозь солнцезащитные очки в легкой оправе с розоватыми стеклами. На ногах босоножки темно-ежевичного цвета, через плечо перекинута сумочка тех же тонов. А в ней, как всегда, табельный пистолет.

Марковцев проделал то же, что и девушка: высвободил свою руку. И обнял Катю.

– Что с тобой? – Она чувствовала на себе недоуменные взгляды прохожих, вынужденных обходить остановившуюся парочку: ему слегка за сорок, ей чуть ли не в два раза меньше. Обнялись среди бела дня, как шестнадцатилетние. – На нас смотрят.

Сергей отпустил ее, и они некоторое время шли молча.

Катя не пыталась угадать причину его неожиданной вспышки нежности. Однако что-то кольнуло в сердце. За этим жестом его ласковых рук ей показалось прощание.

– Ты куда-то уезжаешь?

Марковцев кивнул:

– Да. Пока ненадолго. Может, на неделю.

– Пока?.. А потом?

– Я не люблю загадывать.

– Загадывать? – снова переспросила девушка, пронизательно глядя на спутника. – Значит, твое исчезновение не связано с работой?

– И да и нет, – ушел от ответа Сергей. – Сделаешь кое-что для меня?

Она не умела играть в подобные игры, особенно с Марковцевым. Однако сейчас ей захотелось перечить ему во всем: «Пока не услышу ответ, ничего не скажу». Взгляд ее еще больше погрузнел, когда она поняла, что Сергея и сегодня не будет дома. И спросила, акцентировав последнее слово, поскольку имела на это право:

– Ты придешь домой?

С него бесполезно что-то требовать, только настроишь против себя, против подобия семейной жизни. А ей хотелось настоящего уютного домашнего тепла. С ним. И он прекрасно знает об этом. Если бы ей просто хотелось завести семью, она бы завела – как собаку или кошку, послав чертова сожителя к его же чертовой бабушке.

Недавно она пришла к выводу, что Марковцев эгоист наполовину. Или на две трети. Уходит в себя, никого вокруг не замечает. Однако заставляет думать о нем, сопереживать, считать морщины на его нахмуренном челе и окурки в пепельнице, заставляет любить себя – вот где неразрешимая задача.

Впервые Катя увидела Марковцева в комнате свиданий колонии строгого режима, где Сергей отбывал срок. Она отметила в его внешности нечто странное: выражение лица, взгляд его мрачноватых глаз в едва приметном обрамлении сероватой тени придавали его облику легкую усталость и в то же время уверенность, что подошло бы более молодому человеку. Нечасто она видела сорокалетних с уверенным и открытым взглядом, люди этого возраста не нашли себя в этой жизни, потерялись в бурном времени и поглядывали из него кто робко, кто растерянно, кто изнеможенным в погоне за более молодыми.

Делая ему предложение поработать на ФСБ, думала, что грамотно обрабатывает его: «Как только ты дашь согласие, станешь подневольным человеком. Откажешься – останешься подневольным в неволе». Не подозревала, что не она обрабатывает бывшего подполковника ГРУ, а он ее – пусть даже в ином плане.

Она не считала себя единственной из управления контрразведки, кто не предал Сергея, но стала первой из немногих, кто помог ему завершить задание, остаться в живых. Не спрашивая его.

Марковцев плохо кончит, дело лишь во времени. Находиться рядом с ним, в гуще событий, сравнимо разве что с прочтением книги о выдающейся личности, погибшем герое. Знаешь, как и где настигнет его пуля, но читаешь с первой и до последней страницы.

– Что мне нужно сделать? – спросила Катя, не дождавись ответа на свой вопрос.

– Узнать адреса нескольких человек. Думаю, доступ к ним открыт. Когда мне называют фамилии, меня непреодолимо тянет узнать о них как можно больше.

Кроме Андрея Овчинникова, вероятного подозреваемого, без подробной информацией на него, зато с упоминанием его последнего любовного похождения с женой босса, Шестаков в беседе с агентом назвал остальных бойцов «Гранита». Причем представил Овчинникова в качестве любвеобильного поручика Ржевского, – персонаж из «Гусарской баллады» пришелся к слову, сделал вывод Марковцев. Тогда же в голову пришла мысль: если бы шеф надумал показать фото Овчинникова в полный рост, то пикантно закрыл бы его лицо пальцем. Все эти наблюдения говорили за то, что бывший командир «Гранита» вне подозрений у «экспертно-проблемного» отдела ГРУ.

– Кто они? – спросила Скворцова.

– Бывшие военные. Диверсионно-разведывательный отряд «Гранит». Если получится, выжми все: где работают, кем, семейное положение и прочее.

– Выжать семейное положение... – Катя постаралась придать голосу побольше сарказма. – Меня не интересует чужая жизнь. – Немного помолчав, девушка снова взяла его за руку. – Марковцев, что ты задумал?

– Остаться в живых.

– Опять?!

– И еще одна просьба, – Сергей не считал нужным отвечать на восклицание Кати, – мне нужен пистолет. Меня посылают в командировку и при этом чуть ли не травят анекдоты. Посылают в Дагестан, намекая едва ли не на разведку боем, но ничего не говорят про оружие. Странно, не находишь?

– Где, интересно, я найду пистолет? – Скворцова невольно отвела глаза.

Марковцев улыбнулся:

– В сейфе начальника 1-й группы, в кабинете, который ты делишь с ним. Там целый арсенал конфискованного – незаконным путем, заметь – оружия. Помнишь, ты говорила про «глок-22»?

В профильном отделе, как и в любом подобном заведении, составляли фиктивные ведомости об уничтожении конфискованного оружия, зная основы и все тонкости оперативно-разыскной деятельности. Часто это оружие шло в дело, им пользовались специальные агенты.

– Я не говорила, а проговорила. Давай фамилии людей.

Марк назвал.

– И еще, Катя. Последний раз ты видела меня три месяца назад.

– Я поняла. Где мы встретимся?

– Здесь же. Через два часа.

– В шесть вечера, – внесла коррективы Скворцова. – Но я ничего не обещаю.

– Кроме одного: тебе по-прежнему доверяют ключи от архива? Там на одной из полок пылится мое досье. Любопытно было бы взглянуть на него.

7

Дагестан, 22 июля, воскресенье

Марковцев был на месте уже к вечеру следующего дня. ОТЕЛЬ «Богосская вершина» отстоял от побережья на добрых пятнадцать километров и располагался на берегу одного из множества красивейших озер этой местности. Подножия из черного камня и сосны, растущие ровными полукольцами, оттеняли скалистые голубоватые горы, как тонзуру священника. И прохладная вода в озере по цвету не уступала лазурному небу. Такого нет, наверное, нигде на свете, успел отметить местные красоты агент ГРУ. Не очень хорошее расположение духа сменилось на более умиротворенное.

Мест в гостинице было достаточно, забронированный номер оказался обычным двухместным. Осматривая апартаменты, Сергей вышел на балкон второго этажа двухэтажного комплекса. Родиона Ганелина он пока не видел, хотя дежурный сказал, что сосед Марковцева по номеру зарегистрировался в отеле. Сергей оглядел сверху сидящих за столиками открытого кафе, расположенного справа от центрального здания, пытаясь определить в одном из них своего напарника. Взгляд его остановился на мужчине лет тридцати пяти, потягивающем пиво, одетом в белую панаму и белые брюки. И, похоже, не ошибся. Тот поднял голову и кивнул.

Горный ручей, падающий в озеро с пятиметровой высоты, послужил хорошим местом для разговора, он прерывался лишь, когда очередной курортник проходил мимо или останавливался на горной тропе.

Первым делом агенты поздоровались.

– Сергей, – представился Марковцев.

– Родион, – улыбнулся новый знакомый. – Будем работать вместе. Шеф сказал, ты пару месяцев провалялся на «даче». Свихнуться можно, – посочувствовал Ганелин.

– И переехать на Канатчиковую дачу, – добавил Сергей.

Родион рассмеялся. Он давно приготовил эту шутку про «дурильник», но Марковцев опередил его.

– Кстати, Шестаков как начальник нормальный мужик? Я первый раз на него работаю.

– Я тоже, – ушел от ответа Сергей. Рано откровенничать, да и вообще ни к чему. «Откровенный» он наслушался на «даче». Собственно, «курсанты», кадровые офицеры, мусолили близкую им тему кадровых перестановок: кто пришел в ГРУ, кто ушел. А ушли в первую очередь те времена, когда фамилии начальников управлений произносили шепотом, о задачах отделов имели лишь поверхностное представление. Сейчас же в открытую гремели фамилии, одна из которых заставила вздрогнуть Сергея Марковцева.

Прохоренко. Борис Викторович Прохоренко. Руководитель военной контрразведки ФСБ. Теперь ему напрямую подчиняется отдел, за которым в качестве агента был закреплен Марковцев. О том, что Сергей работал в свое время на военную контрразведку, в здании на Лубянке знал лишь Борис Викторович. С сотрудниками профильного отдела, куда входила Катя Скворцова, Марковцев контактировал напрямую. Переметнувшись на сторону ГРУ, секретный агент тем самым припечатал Прохоренко, который едва не лишился из-за этого своего высокого кресла.

Теперь выходило, что «враг номер один» Марковцев оказался под «крышей» бывшего генерала ФСБ. Очень радужная перспектива.

Услышав новость о кадровых перестановках, Сергей первым делом решил покинуть секретный, хорошо охраняемый объект ГРУ, даже разработал план побега, но его вдруг, как в песне – «сидим мы в баре в полночный час, и вот от шефа летит приказ», – выдернули к начальнику отдела.

Командировка в Дагестан. Если бы его хотели шлепнуть, сделали бы это в том же Химкинском районе. Обширная информация по делу о хищении вооружения с законсервированной базы лишь на время успокоила Марковцева. Он на затылке чувствовал обжигающее мезью дыхание Прохоренко. И – вот сейчас, когда лицо его внезапно опалило от дружеского, располагающего взгляда Ганелина. Родион походил на охотника, ярого защитника природы, с любовью разглядывающего через кусты дичь, свою жертву. С такой же нежностью, наверное, его палец коснется спускового крючка. И чем больше слушал и вглядывался Марк в напарника, тем сильнее нарастала в груди тревога.

– Шестаков копает под твоего бывшего командира, расскажи о нем, – в свою очередь попросил Марк.

– Оперативная бодяга, – сморщился Родион, – сейчас всех «гранитовцев» проверяют. А Андрей в списке первый. У него приличная работа в банке, небольшой бизнес на стороне. Зачем ему лезть в криминал?

– С женой своего босса у Андрея серьезные отношения?

– Да какие бы они ни были, – неохотно отозвался Ганелин. – В ходе работы Шестаков выявил его связь и фактически запротоколировал ее. Тут можно говорить о случайности, а можно все списать на побочный продукт оперативной работы. Шеф может поиграть на любовном поле Андрея – что-то попросить у него, что-то откровенно вытребовать. Классика, о чем говорить? Упрется капитан – лишится работы, возможно – семьи. Все сделает, никуда не денется.

Марк еще раз перебрал в голове данные, оперативно полученные от Кати Скворцовой. Как и ожидалось, на Родиона Ганелина информация оказалась скудной и липовой, включая

адрес и место работы. Специальный агент ГРУ использовал отдел информационной безопасности Генштаба в качестве прикрытия. А вот бывший командир «Гранита» Андрей Овчинников устроился неплохо. Он возглавлял службу безопасности столичного банка «Мегаполис» на улице 8 Марта, недалеко от станции метро «Динамо». Довольно приличная охранно-детективная структура, кроме основных функций, выполняющая работу по проверке клиентов, сбору информации и тому подобное.

Управление ФСБ по борьбе с экономическими преступлениями интересовалось счетами Овчинникова, его джипом «Мерседес», проверило все накладные на импортные стройматериалы, из которых глава службы безопасности возвел себе роскошный загородный дом. Видимо, проверяющие и Овчинников нашли общий язык, поскольку дело закончилось только проверкой.

На фоне недомолвок начальника отдела просто безликий босс Овчинникова явился в представлении Марка импозантным, в английском костюме от Джона Филипса, со множеством связей, утром и днем энергичным и деловым, вечером усталым, а в постели – вялым и сонным, с запахом дорогого коньяка, снимающего стресс.

– Вы встречаетесь с Овчинниковым?

– Последний раз виделись полгода назад. Звал меня к себе помощником. Пока раздумываю, – ответил Ганелин на немой вопрос напарника. – Честно говоря, мне надоели «игры патриотов». Ничего серьезного, суэта, видимость работы. Чтобы не заскучал, порой ставят к салагам в наружное наблюдение. Пойдем разгрузимся пивком? – предложил он. – А завтра наведемся на Приветливый.

8

23 июля, понедельник

От «Богосской вершины» до Дербента ходило маршрутное такси, первый рейс – в половине восьмого. До Южного агенты добрались тем же видом транспорта, к яхт-клубу подошли неторопливым шагом.

Отдав инициативу в разговоре напарнику, Сергей слушал его ровный, слегка беззаботный голос.

– Я еще вчера отметил, что яхт стало больше, дебаркадер отремонтировали и выкрасили. А раньше... – Родион махнул рукой. – Смотрю, новых понтонов прибавилось.

Поначалу Сергей удивился: яхт-клуб и загаженные беженцами земли Дагестана и Ингушетии, база для подводного плавания и полевые палатки, походные кухни. Все то, что показывают по телевизору. Однако, прибыв на место, отметил, что морской клуб в Южном процветает.

Ганелину в обмен на паспорт и крупную сумму денег, на которую можно было бы купить пару таких корыт, шкипер выдал «вишеру» и шестьдесят литров бензина, отметил в журнале и дал ознакомиться с метеосводкой.

Родион завел двигатель и взял направление на Приветливый. Он обращал внимание Марковцева на новые, по его словам, рифы. Мол, некоторые подводные камни вылезли сейчас наружу.

– Видишь, пенится вода? Там риф... А вот и бастион показался.

На короткие мгновения Ганелину показалось, что он в далеком 92-м году сжимает в руках штурвал моторного бота...

* * *

Октябрь в том году выдался холодным. Северо-восточный ветер бушевал на протяжении нескольких дней, беспокойное море терзало побережье, взяло в пенное кольцо остров, в лощах указанный как Приветливый, маленький клочок суши, расположившийся в семнадцати милях от Дербента.

Андрей Овчинников, высокий светловолосый капитан, в бинокль наблюдал соседний риф, где потерпела крушение яхта класса «дракон». Потерпевших сняли с острова пограничники. Сейчас там, едва сдерживая порывы ветра, на сломанной мачте содрогался порванный парус.

Овчинников перевел взгляд на северную оконечность бастиона. В бинокль темно-синий моторный бот, расчаленный в относительно спокойной бухте, отчего-то прозванной моряками суводью, виделся огромным.

Андрей покинул бастион и спустился в подземное укрытие. Там под присмотром его маленькой команды заканчивали работу несколько человек, доставленных в Дербент из махачкалинского изолятора временного содержания. Все находились под подозрением в совершении преступления.

Родион Ганелин, чуть выше среднего роста, со сросшимися бровями старший лейтенант, одетый в толстый вязаный свитер, старался выглядеть буднично, однако взгляд, адресованный командиру, выражал плохо скрытое сочувствие. Они покидали остров, служба на котором походила на длительные вахты моряков-подводников. Тем не менее каждый из команды привык, наверное, находиться в постоянном напряжении, когда тебя вот-вот могут послать на выполнение боевого задания.

Они знали здесь каждый подводный камень, риф, подобно фантастическому Ихтиандру проводя под водой долгие часы.

И вот пришел приказ законсервировать базу. Причем не только отряду «Гранит», а всему подразделению, относящемуся к морскому пункту разведки.

Не считая частых ветров, порой переходящих в настоящие штормы, остров оправдывал свое название. Чуть больше ста лет тому назад здесь выросла настоящая морская крепость, соединенная куртинами, образующими, в свою очередь, бастионные фронты. То была территория, которая, возможно, вскоре станет частью нефтеносных площадей российского Каспия.

Эту полуофициальную позицию, стоявшую в глазах нарочного (капитана первого ранга), прибывшего в морской пункт разведки с приказом, бойцы спецназа приняли с ухмылкой. Кого-то из них, несомненно, устраивала перспектива продолжить службу на материке. Но шансы были малы: подразделение расформировывалось, работу, по всей видимости, придется искать самим – и разведчикам ВМФ, и боевым пловцам отряда «Гранит».

Там, где сейчас находилась команда Андрея Овчинникова, была подземная часть бастиона. Все шесть человек, включая командира, собрались вместе, чтобы выполнить последний приказ командования. Подземные помещения больше походили на катакомбы, правда, оснащенные по последнему слову техники. Они соединялись между собой двойными дверями с короткими тамбурами. Секретным считался крайний к северо-востоку коридор, заканчивающийся помещением, вход в который был запрещен даже разведчикам ВМФ. Проложенные кабели и трубы, уходящие вверх вплотную к стене, – вот что видели бойцы морского пункта разведки, проходя этим коридором.

По большому счету особого секрета тут не было, каждый отчетливо представлял, что за дверями находится стандартный набор морского диверсионно-разведывательного подразделения. И все они, включая офицеров высшего состава ВМФ, были уверены, что демонтируется

все оборудование, никто не допустил и мысли, что снаряжение морской диверсионной группы остается на месте.

Опалубка была готова. Она возвышалась на два метра от пола и немного не доставала до потолка. Через это свободное место рабочие заливали известковый раствор. Уже наполовину скрылась наружная дверь с массивной задвижкой-штурвалом, еще два-три часа, и будет готова имитация глухой стены. Для убедительности, или полной иллюзии, рабочие отштукатурили стены подземного коридора. Подводный вход в скрытое помещение наглухо закрыли изнутри, попасть в него стало возможным только из бастиона. Но прежде подводный проход нужно обнаружить. Уже через месяц-другой водоросли окончательно затянут едва приметный живой коридор.

Личный состав разведчиков и оборудование убрали с острова оперативно. Остальное же скорее всего растащат жители городка Южный, среди которых уже распространился слух о расформировании подразделения.

Ганелин предложил командиру сигарету. Отказываясь, Овчинников покачал головой.

– Надо бы завтра приехать сюда, затереть щели, – тихо обронил лейтенант. – Штукатурка высохнет, щели останутся.

– Останутся, – машинально повторил капитан.

Если бы в опалубку заливали бетон, пришлось бы ждать, когда он затвердеет, а известковый раствор, тем более не очень толстый слой, можно освобождать от досок почти сразу. К концу четвертого часа рабочие осторожно сняли опалубку и закидали раствором верхнюю часть.

Рабочих, как и офицеров, насчитывалось шесть человек. Они старались, на совесть отработывая обещание закрыть заведенные на них уголовные дела. Когда настала пора прибраться и вымыть бетонный пол, к этой завершающей фазе они приступили уже с шутками, дружелюбно поглядывая на мрачных с виду моряков, одетых в гражданское.

– Бадью с раствором оставьте на месте, – распорядился Овчинников. – Завтра затрете щели, – повторил он слова товарища.

Подследственные уже слышали это из короткого разговора между офицерами. Они скрывали дверь в помещение – с одной стороны, это подозрительно. Однако прежде чем приступить к работе, им было позволено пройти вместе со старшим внутрь. И там ничего особенного не обнаружилось: просторная комната, чуть сыроватая, вдоль одной стены протянулся ряд шкафов для переодевания. И все. Ничего заслуживающего внимания.

– Вперед, – капитан кивнул подследственным на выход. Там уже стояли два бойца. Они вывели рабочих на пронизывающий ветер и расстреляли их из пистолетов. Собрав стреляные гильзы, спецназовцы привязали к ногам покойников камни и сбросили с крепости. Место здесь было глубокое.

– Что дальше, Андрей? – спросил Родион Ганелин за всю команду. Остальные бойцы хранили молчание.

– Не знаю, – ответил Овчинников. – Либо мы еще понадобится и вернемся сюда, либо нырнем в последний раз. – Он указал глазами на волны, разбивающиеся о подножие крепости.

Родион не ответил. Как людей, даже как бойцов спецназа, их могут и забыть, а вот в связи с законсервированной базой забудут вряд ли. Впрочем, времена меняются так быстро, что невозможно представить, что будет завтра. Или через час.

Бот завелся сразу. Родион занял место моториста и вывел катер из бухты в беспокойное море. Очередная свинцовая туча, наползшая на проклюнувшееся в небе солнце, бросила тень на спецназовцев, их лица приобрели сероватый, безжизненный цвет.

Андрею пришло в голову остаток сегодняшнего вечера и ночь провести всем составом. Он боялся. Однако вскоре по губам капитана пробежала мрачная улыбка: шестеро рабочих тоже держались вместе.

Перед глазами капитана все еще стоял растерянный, но не напуганный подследственный. Он зажмурился и дернулся от выстрела, потом упал как подкошенный – Андрей выстрелил ему точно в сердце, едва ли тот мучился больше мгновения. Странно было видеть словно вытягивающиеся конечности смертельно раненного, когда тот рухнул на каменную площадку. Он будто размазывался по ней в короткой агонии. И Андрей завтра, закончив работу, тоже может распознать телом по камням, а потом уйти в последнее погружение.

На следующий день капитан Овчинников десятки раз задавал себе один и тот же вопрос: надежна ли эта наспех возведенная ширма? И отвечал себе: да, визуально надежна. Стены ровно оштукатурены, ничто не говорит о потайной комнате. Андрей сомневался лишь по одной причине: он знал о существовании тайника. И бесполезно было смотреть глазами постороннего, взгляд проникал за известковую ширму, видел за ней массивную дверь, короткий тамбур и то, что крылось дальше. Вряд ли кто-то додумается долбить монолит, возможна лишь случайность, от которой не застрахованы ни люди, ни их замыслы. А тот, кто продумывал эту консервацию базы диверсионно-разведывательного подразделения, наверняка испытывал дефицит времени и был скован в действиях приказами. Капитан Овчинников доложит как полагается, не имеет права указать в рапорте даже намек на сомнение, ибо последнее укажет на невыполнение задания или халатное отношение к ответственному поручению. И те же самые щели, которые он с командой собственноручно затирает, от инстанции к инстанции будут становиться все тоньше, пока не исчезнут вовсе за последним докладом. Стало быть, беспокоиться нечего.

* * *

– Видишь, пенится вода? Там риф... А вот и бастион показался.

Сергей кивнул, глядя на белесый конус. И узнал также, что раньше издали он виделся темно-серым, почти черным, а на закате приобретал красно-коричневатый оттенок.

«Давай, давай, приятель, убаюкивай меня», – шурился Марк то на крепость, разрастающуюся на глазах, то на топорщившийся пиджак Ганелина. Родион не скрывал оружия, однако ничего не сказал насчет скверного вооружения напарника: только его натренированных кулаков. Он был или никудышным агентом, или откровенно кичился тем, что является старшим и в качестве отличительного знака носит под пиджаком пистолет Дегтярева.

– Суводь, – рука Ганелина потянула на себя рукоятку газа. Катер сбавил ход. – Хорошее место для стоянки, некому только бросить швартовый.

Сергей правильно понял непрозрачный намек и спрыгнул на камни, лишь на секунду показывая спину. Рука готова выхватить пистолет, нервы сконцентрировались в двух местах: на затылке и на указательном пальце правой руки.

Здесь было слабенькое течение, а сейчас – полный штиль, поэтому Родион не стал расчаливать лодку, а привязал ее за носовую «утку» к торчащей у берега трубе, выпустив метров пять-шесть веревки.

Утро хорошее, теплое, солнце, стоящее еще низко, отчетливо высвечивало мелководья Каспия. Они смотрелись как проплешины на зеленоватой лужайке.

Сергей первым, намеренно враскачку, взбежал на бастион, сняв пистолет с предохранителя и не вынимая его из-за пояса. Ганелин поднимался следом.

– Ну что, Сергей, осмотрим место преступления? – полушутливо осведомился он.

Марковцев огляделся. Родиону удобней убрать его здесь, наверху, и сбросить труп в море, предварительно привязав к ногам камень. Но что-то он медлит, вооружился фонариком, спустился в подвал, где знал каждый сантиметр. Покачивая головой, Сергей спустился за ним. В гудящей голове каша из сомнений и противоречий. Вдруг он ошибается? Вдруг примет нечаянный жест напарника за угрожающий и сразу выстрелит?

Ганелин уже находился возле двери и рассматривал полуразрушенную стену.

– Все правильно, оперативники из военно-морской разведки не ошиблись. Санников, обрубая расшивку, отколол часть стены. Видишь?.. Дальше все просто – нашел гораздо больше, на что мог рассчитывать и отчего мог растеряться на время. Сегодня же наведаемся в яхт-клуб и прочистим хозяину мозги.

Сергей следил за каждым движением напарника – кто кого упредит, другого выбора не было. Родион мог получить дополнительные инструкции от начальника отдела. Просто убить человека Марк не мог. Хотя бы потому, что, освободившись от вполне реальных опасений, поставит себя в безвыходное положение. Кто станет выслушивать его оправдания, если он все же ошибся? В первую очередь его спросят, откуда у него оружие, и уже потом зададут следующий вопрос: с чего он взял, будто Ганелин собирался ликвидировать его? Болела голова? Так есть хорошее болеутоляющее в свинцовой оболочке.

А куда деть неравенство, несправедливость? У одного целая обойма свинцовых пилюль, другому дали возможность решать свою проблему аутотренингом.

Нет, здесь он стрелять не будет, продолжал нагружать себя Марковцев, злясь на Родиона, который не вызывал в нем неприязни, отвращения, наоборот, он, несмотря ни на что, был симпатичен ему. К чему тащить тело по длинному коридору, а потом по ступенькам? Он делает свое дело наверху, еще раз подумал Марковцев. Сделает неторопливо, будучи уверенным в том, что противник его не вооружен.

Здесь, на выходе?

Сергей поднимался первым, гоня от напряжения желваки и в любой момент готовый проверить работоспособность пистолета.

А ствол ему передали классный, австрийский «глок-22» с пятнадцатью патронами в магазине. Сейчас в обойме только четырнадцать, пятнадцатый в стволе.

Ганелин – профи, диверсант, стрелять может с двух рук, так что бесполезно уповать на тот факт, что фонарик он держит в правой руке. И кобура под пиджаком налажена грамотно, легко можно выхватить ствол как левой, так и правой рукой. В спокойной обстановке он, конечно же, пустит в ход удобную правую.

Здесь?

Сергей остановился и повернулся к напарнику. Родион положил фонарик в боковой карман пиджака, из другого достал сигареты.

– Покурим?

– Напоследок или как? – Не в силах сдерживать внутреннего напряжения, Марковцев смотрел на руки Родиона. В одной зажигалка, в другой пачка сигарет.

Сергей упредил Ганелина на мгновение. Тот действовал быстро, но Марк обнажил ствол раньше и произвел четыре быстрых выстрела. Стрелял он на поражение, ибо все знал о хищении – от Шестакова, пожелавшего напоследок раскрыть все карты, и от Ганелина, который в вечерней беседе дополнил откровения начальника отдела некоторыми деталями.

С другой стороны, оба они были профессионалами, и Сергей никогда бы не опустился до издевки в голосе над раненым или умирающим. И Ганелин от души влил бы ему не одну пулю, а несколько, чтобы не мучился.

Командир подразделения «Гранит» Андрей Овчинников оказался прав, когда, стоя на этом самом месте, ответил на вопрос своего подчиненного: «Либо мы еще понадобится и вернемся сюда, либо нырнем в последний раз». Его пророчества сбылись относительно одного члена отряда.

Марковцев постоял у обрыва и с тяжелым сердцем принял очередное решение. Он много убивал в своей жизни – в униформе спецназа и одетым в гражданское, но еще ни одна смерть не давила на него так сильно. Хотя, живя по волчьим законам, должен бы и привыкнуть. Своя жизнь, как ни крути, дороже.

Он завел мотор и вывел лодку из суводи. В обратном порядке отмечал рифы. «Видишь, пенится вода? Там риф...» Тот, кто недавно говорил эти слова, лежал на стланях лодки, накрытый брезентовым тентом.

9

Поднявшись на дебаркадер, Марк открыл дверь в шкиперскую. В его кармане лежали документы Родиона Ганелина, фотографии пяти бойцов «Гранита» (видимо, для опознания, если бы версия с личной инициативой Юрия Санникова не нашла подтверждения) и трофейный пистолет.

– Где я могу найти хозяина клуба? – спросил Марковцев одетого в синюю майку шкипера. Он по радио слушал метеосводку и заносил данные в таблицу.

Моряк с рябоватым лицом указал на окно. Владелец яхтклуба находился на понтоне рядом с яхтой класса «алькор» и готовился к погружению. Надев маску и взяв в рот загубник, оттолкнулся и спиной упал в воду.

Его Сергей увидел, когда ставил катер в «паук»: широкоплечий, с бычьей шеей, выносливый, с тяжелым подбородком бойца.

– Это его яхта? – спросил Марк, подойдя ближе к окну и разглядывая крейсерско-гоночную красавицу, обшитую кедровыми рейками.

– Да, – кивнул шкипер. – Вам придется подождать Рушана минут двадцать – проблемы с рулем. Подождите хозяина на мостках, – добавил он.

Сергей вышел из шкиперской и неторопливо направился к яхте.

Рядом с дебаркадером возились с подвесным мотором двое подростков. Парень лет двадцати пяти уходил, работая веслами, к берегу на старой «казанке». Шкипер в каюте склонился над столом.

Марковцев оглянулся на него и поднялся на палубу яхты. Немного постояв, спустился в каюту. Внутри все казалось новым – койки, шкафы, диван, – несмотря на то, что яхте около двадцати лет – об этом свидетельствовала бросающаяся в глаза медная табличка. Осторожно ступая, Сергей тщательно обследовал каюту, хотел было подняться на палубу, но его внимание привлек диван, служащий еще и рундуком. В нем и оказалось то, что он искал: гидрокостюм.

Сергей взял его в руки и расстегнул «молнию». Цифры на обратной стороне показали, что костюм именно с законсервированной базы.

– Знакомая вещь?

Марк медленно повернул голову. В каюту спускался хозяин морского клуба. В черном, блестящем от воды облегающем костюме он выглядел еще сильнее, был гибок и казался неуязвим.

– Вообще-то не принято рыться в чужих вещах. – Казимиров спустился еще на пару ступенек.

– Именно в чужих, – отозвался Марковцев, спокойно наблюдая за тем, как, согнув ногу и не нагибаясь, Рушан потянул из ножен, крепившихся на икре правой ноги, острый, как бритва, нож.

Сергей сделал вид, что хочет положить костюм на место, и при этом наклонил корпус. В следующий миг его нога сорвалась с места и ударила аквалангиста в подбородок. Казимиров с ножом в руке отлетел к камбузному шкафу, сломав его дверцу.

Однако бывший подводник хорошо держал удар и быстро пришел в себя. И ножа из рук не выпустил. И держал его как положено – в расслабленной ладони, не напрягая ее. Марковцев понял его уловку, прежде чем соперник на нее пошел. Рушан невысоко поднял руки и изобразил на лице подобие улыбки – мол, подурачились, и хватит, давай поговорим. А сам в стремительном броске попытался нанести удар ножом в грудь.

Сергей встретил вооруженную руку противника встречным ударом в район локтевой вены – очень болезненный прием, при котором из рук валится все, что в них находится. Затем присел, захватил локтевым сгибом левой руки ногу противника и легко оторвал ее от пола, а другую подставил под его опорную. Потом резко выпрямил ногу и толкнул соперника за шею влево-вниз под себя, выполнив красивый бросок.

Все это Сергей проделал автоматически. Тем более что этот прием – задняя подножка с захватом ноги и шеи – был едва ли не его любимым, отточенным до предела.

И только после этого выхватил пистолет.

– Открой рот, амфибия! – приказал он аквалангисту. – Или я забью твои жабры свинцом. – Вставив ствол «глока» в рот Казимирову, Сергей начал активный допрос: – Где ты взял этот костюм?.. Говори, рыба, я все пойму.

– Мне продал его один моряк, – невнятно пролепетал Рушан, шлепая языком по куску металла.

– Когда?

– Несколько дней назад.

– Что еще он продал тебе?

– Комбинезон. Больше ничего.

– Где он живет? Адрес?

– Адреса я не знаю. В конце улицы Артема. Второй с краю дом. Зовут Юрий. Больше я ничего не знаю.

– Как он объяснил, откуда у него снаряжение морских диверсантов?

Марковцев не акцентировал последние слова, но именно они, хотя и с небольшой погрешностью, окончательно подсказали хозяину яхты, на кого он кинулся с ножом.

Сергей задал очередной вопрос:

– Почему ты бросился на меня с ножом? Только не говори, что уличил меня в воровстве. Рушан молчал.

– Ладно, рыба, ты у меня разговоришься, – пообещал Марк. – Сейчас я свяжу тебя, повешу на спину баллон и суну в пасть загубник. Прежде чем сбросить тебя в воду, я привяжу к твоим ногам якорь. Потом пойду обедать. А ты будешь молить Нептуна, чтобы мой обед не затянулся. То, что я скажу дальше, обдумаешь под водой. Моряка Юру убили, и ты об этом прекрасно знаешь. Потому что убили его люди из твоей бригады. А может, ты и сам поучаствовал. Сколько у тебя человек?

– Десять.

Сергей кивнул. Подводник говорил правду. В таком маленьком городке ни к чему многочисленная бригада. По идее, морской поселок могла контролировать одна из дербентских преступных группировок либо махачкалинская.

Марковцев уже взял темп, выбрав активный план действий, и решил не останавливаться. К этому его подтолкнул хозяин роскошной яхты.

Отпустив его, Сергей сел на койку и стволом пистолета указал Казимирову место напротив.

– Я пришел сюда за вещами, которые по праву принадлежат мне. Ты крупная рыба, Рушан, только в своей акватории. Но вот ты залез в чужую и пускаешь какие-то мелкие пузыри. Так не делают. Я хозяин товара, который ты забрал у Санникова. Мне принадлежат автоматы, пистолеты, минные заряды и прочее. Не понял? Это наше снаряжение, мы оставили его до поры до времени и вот пришли за ним. Сейчас я один, но через час здесь будет ровно столько, сколько было боевых комплектов. Не надо, Рушан, не ищи на свою задницу приключений. До этого ты имел дело с конкурентами, вооруженными цепями и бейсбольными битами. Не ищай судьбу и не лезь в драку с профессионалами. Просто ты не знаешь, что это такое. Таких,

как мы, нанимают, платят хорошие деньги. Задайся вопросом – а почему? Поговорим за мой послужной список?

Казимиров сидел молча, пытаясь собраться с мыслями.

– Рушан, ты не размышляй, – поторопил его Марковцев. – У тебя нет не только времени, но и выбора. Я повторяю: через час в этом городе не останется ни одного здорового человека.

– А что, если этот товар уже ушел? – задал вопрос Казимиров.

– Ты догонишь его, вот и все. Теперь раскинь мозгами. Допустим, пока мы беседуем, твои нукеры достают то самое вооружение, о котором я говорю. Мои делают то же самое. Так кто кого перестреляет, а, Рушан?

– Правильно, меня зовут Рушан... – Казимиров вопросительно замолчал.

– Сергей, – представился Марковцев. – Ты хочешь знать, кто я? Мое последнее звание подполковник спецназа – большего тебе знать не обязательно. Совсем недолго я был без работы, сейчас вот нашел. Не отнимай у меня шанс немного подзаработать. Ты даже представить себе не можешь, сколько голов я продырявил за свою бурную жизнь. Такое даже признать не может. Я не беру тебя на понт, я разговариваю с тобой. Я не стану перечислять ФСБ, МВД и прочую братию. Я к ним не имею никакого отношения. В противном случае наш разговор не состоялся бы или прошел в другом ключе. Мне до балды труп моряка. Может, ты еще кого-нибудь замочил – абсолютно наплевать. И последнее, это самое главное и важное – по понятиям, если хочешь: я здесь и разговариваю с тобой.

Казимирова обескуражил тон и смелость, с которыми говорил его непрошенный гость. Последнее действительно показалось Рушану едва ли не главным аргументом: по понятиям. Гость заставлял уважать себя, но не опускал собеседника. Он угрожал, но как-то на равных. Он словно предлагал: давай сыграем, если ты сразу не хочешь сдаться.

Так, только с долей фени говорят на зонах. Таким же взглядом и смотрят во время беседы. Он подполковник спецназа – может быть. Но определенно вращался и продолжает вращаться в тех же кругах, что и Рушан Казимиров. И в его речи незримо присутствуют эти круги, круги гораздо шире тех, что мог наделать Рушан, плюнув в воду.

Однако просто так сдаваться не стоит. Это уже называется концом престижа. Торговаться с ним? Но на каких условиях? Бригада у Рушана небольшая, ее как раз хватает, чтобы держать этот городок в своих руках, но... Вот сейчас он вдруг позавидовал хладнокровному собеседнику, в нем было то, чего, оказывается, не хватало самому Рушану, – размаха, что ли, хотя бы словесного. И еще решительности – с одной стороны, конечно, показной. Но как знать? Вдруг за ним действительно еще две пары таких же головорезов? Об определенных кругах в этой ситуации можно и говорить и молчать с одинаковым успехом.

Наемник. Это слово подходило к нему больше всего. Он мог работать на кого угодно: на чеченскую мафию, славянскую, дагестанскую – неважно. Главное – трогать его нельзя. От этой мысли сразу разболелась голова. И от другой постоянно болела: зачем они взяли вооружение? Для острастки и задач, решаемых в этом городке, уже было необходимое количество стволов. Жадность? Нет, скорее какое-то капризное желание стать обладателем целого арсенала, необычного арсенала. А как только стал обладать им, тотчас появилось желание поскорее избавиться от него.

Сейчас представилась такая возможность. Пусть даже с потерей доли авторитета, с синяком от удара о «косяк». Вперся, конечно, по понятиям.

– Большая часть в целостности и сохранности. – Чуть помолчав, решая, скрыть или нет пару стволов бесшумных «амфибий», Казимиров отказался от очередной глупости. – А заряды ушли к одному человеку. Если хочешь, я сведу тебя с ним.

Марковцев взял паузу, еще раз обдумывая положение, в которое его поставила родная организация. Виделся слабенький шанс на спасение в обратном ударе: против грязной игры – честная. Он не собирался подставлять для удара вторую щеку, зато имел право действовать

по своему усмотрению, а это принуждало его выполнить задание. Именно принуждало – как приказом начальства, так и согласно его личным убеждениям.

Сергей встал, поставив пистолет на предохранитель.

– Завтра утром встречаемся здесь, – распорядился он, неотрывно глядя на Рушана.

Сделав шаг к ступеням, Сергей обернулся.

– Мы с приятелем брали напрокат лодку, и он не вовремя поднес спичку к моей сигарете. Если тебе не нужен труп моего товарища, отвези его подальше в море. Он заслужил это, – тише добавил Марковцев.

Глава 4 Хозяин

10

24 июля, вторник

Шамиль Науров не был боссом Рушана Казимирова. Он считал себя безраздельным хозяином этих мест: хребтов, озер, речек, перевалов, воздуха, леса, неба. Порой ему приносили деньги, и он не спрашивал, откуда они. У него был дом в живописном месте, достаточно просторный – двенадцать комнат, мансарда с перилами. Кто-то называл балконное ограждение парапетом, но для Шамиля это были перила. Он любил облакачиваться о них, чувствуя под локтями отполированный мрамор.

Ему нравилось наблюдать за полетом орлов, просто смотреть на птиц, маленьких пичуг, кормить их с руки. Потом вдруг разом вспугнуть их, рассмеяться в тонкие усики над полными губами и снова ждать, поскольку глупые птахи принимали игру и возвращались к своему хозяину.

Он не любил морское побережье – шум, гам, вонь, гудки пароходов и танкеров, вопли чаек. А здесь, за горными отрогами, – настоящий Кавказ. С горными цветами, которые порой растут прямо из-под снега, с мягким ковром травы, с прямыми стволами сосен и елей, с извилистыми тропами.

Своим родовым селеньем Науров считал Гуниб – не близко от его дома, именно там сложил оружие его далекий предок, мятежный имам Шамиль, возглавлявший борьбу горцев Дагестана и Чечни, и признал власть российского царя.

Давно это было, без малого полторы сотни лет тому назад. Кости имама Шамиля покоятся в Мекке, а место упокоения его потомка здесь, в этих красивых местах. Не бронировано, не завешано, просто так будет.

Дом Шамиля Наурова стоял таким образом, что дорогу к нему часто засыпало обвалами. Она не была асфальтированной, и это придавало ей, а главным образом тому, что вскоре должно появиться за очередным поворотом, неповторимый колорит, живость. И действительно, словно выросший из-под земли, вставал этот уютный дом с черепичной крышей, сверкающий белизной стен и чистотой окон.

Шамиль сидел в беседке, увитой диким виноградом. Он смотрел на дорогу через прослеты в листве, поджидая гостя. Вообще кавказец не отличался гостеприимством. С недавних пор повадились сюда «дикари». А ведь совсем недавно слово «Кавказ» наводило на туристов ужас. Около десятка человек, включая русского садовника и повара, постоянно находившихся при своем хозяине, гнали бородатых палаточников и рюкзачников, которые, оголив тело, смотрели на его небо, дышали его воздухом. Их гнали, и они уходили, но возвращались вновь.

Совсем по-другому встречал старый дагестанец своих племянников. Михаил и Булат приходили нечасто и долго не задерживались. Науров не помогал деньгами своему младшему брату. У Магомета своя жизнь, у Шамиля своя.

Старик поднялся, заслышав шум двигателя, и, чего давно не делал, шагнул навстречу гостю. Протягивая Марковцеву руку, пристально взгляделся в его лицо. Вряд ли он смог хоть что-то прочесть на нем, но отметил, что не таким представлял себе этого человека.

Шамиль не стал представляться. Пожав руку гостю, другой указал Казимирову на беседку:

– Рушан, отдохни здесь. Вино сейчас принесут. Пойдемте со мной, – предложил он Марковцеву и первым шагнул к дому.

На каменной лестнице здоровенный дагестанец, пропустив хозяина, преградил гостю путь и требовательно протянул руку, коротко бросив: «Оружие».

Сергей распахнул полу пиджака и позволил охраннику вытащить из-за пояса «глок». Здоровяк на всякий случай пошарил за спиной гостя и там тоже обнаружил пистолет, после этого тщательно пробежался крепкими пальцами по ногам, наконец отступил в сторону, давая дорогу.

Шамиль во время короткого обыска продолжил неторопливое шествие, и Марковцев догнал его у лестницы, ведущей на мансарду. Там уже был накрыт стол: вино, фрукты, сыр, черная икра.

– Произошло недоразумение, – начал хозяин, наливая вино. – Не знаю, какие именно дела привели вас в эти края, но хочется думать, что мои интересы пересекутся с вашими. Называйте меня Шамилем, Сергей.

– Убийство моряка и похищение фугасов вы считаете недоразумением?

Науров отметил отсутствие иронии в голосе Марковцева, разве что в глазах промелькнула насмешка.

– Я не отвечаю за Казимирова. Что касается фугасов... Да, я взял их.

– Для чего? – Сергей кивнул в сторону: – Сделать искусственный водоем?

– Продолжим в другом тоне. Я готов честно вернуть заряды и дать вам денег за молчание. Местную милицию я беру на себя.

– Меня не интересует местная милиция.

– Я не верю вам. – Шамиль устроился удобнее, положив ногу на ногу и одернув штанину. Привычным движением пригладив седые усы, дагестанец продолжил: – Смотрите, что происходит. Убили моряка, через несколько дней появляетесь вы и заявляете права на пропавшее вооружение. В отличие от Казимирова, в совпадения я не верю.

– Тогда поверьте в следующее, – предложил Марковцев. – Я давно ушел в запас, но в моем бывшем ведомстве у меня остались связи. О хищении вооружения я узнал одновременно с руководством ГРУ.

– А кто тот человек, застреленный в лодке?

– Он – официальное лицо. Я – нет. – Сергей усмехнулся. – Наши интересы не пересеклись.

– Это он доложил вам о пропаже оружия?

– Как вы догадались?

Насмешку гостя Науров пропустил мимо ушей. Верить ли этому человеку, вот так, с наскока? Говорил он убедительно, складно, отчасти доказательно – об этом говорит труп человека, с которым они вместе брали напрокат лодку, вместе отправились в короткое путешествие, вместе и вернулись.

– У меня к вам два вопроса, Сергей. Первый: знаете ли вы Султана Амирова?

– Слышал, – кивнул Марковцев. – Если речь идет об узнике Лефортова. Ваххабитский идеолог, чеченский полевой командир.

– Да, я говорю о нем.

Корни преступной группировки, возглавляемой Султаном Амировым, уходили в 1992 год. В Дагестане он основал исламскую школу, типографию, где тысячными тиражами печаталась ваххабитская литература. Затем Султан получил возможность легально действовать через московские финансовые структуры.

В 1997 году Султан Амиров выступил с пылкой речью перед выпускниками диверсионных школ: «Нам все дадут некоторые европейские страны, а также Пакистан, Афганистан и Иран. От них мы получим и деньги, и оружие, и технику для вооружения нашей армии. Да и среди русских чиновников много таких, которые готовы продать обмундирование, продукты... Уже завтра некоторые из вас приступят к выполнению своих заданий. Ваша задача – сеять смертельный ужас среди тех, кто продал Аллаха, они каждый час должны чувствовать холодную руку смерти. Среди тех военных, которые пока находятся на нашей территории, необходимо посеять растерянность и страх. Захватывайте их в заложники, убивайте, Аллах вас простит, а на крики политиков внимание не обращайтесь – это не более чем шумовая завеса. Теперь о тех, кто оседет в России и соседних республиках. Ваша задача внедриться во властные структуры, административные и финансовые органы. Ваша задача – дестабилизация обстановки, экономики, финансов. Создавайте базы, подбирайте людей, ждать долго не придется. Если до весны Ичкерия не получит полной свободы и независимости, мы нанесем удары...» (Речь Салмана Радуева перед выпускниками диверсионных школ. – *Ред*).

Слова Султана не расходились с делом – он нанес эти сокрушительные удары, вторгшись на территорию Дагестана и развязав «вторую чеченскую войну». Позже в результате силовой операции спецназа был арестован. До сегодняшнего дня находится в Лефортове.

– Вопрос второй, – продолжил Науров. – Слышали имя Саида Наурова?

– Нет, не слышал.

– Я говорю о своем сыне.

– К чему эти вопросы? – нахмурился Сергей.

Хозяин дома встал и поманил гостя за собой в богато обставленную комнату. Там он включил видеомэгагнитофон и сел напротив телевизора.

На пленке оказалась запись выпуска новостей двухгодичной давности. Вот поочередно делают заявления командующий Объединенной группировкой войск в Чечне, руководители МВД и ФСБ. Несомненно, захват одного из самых авторитетных лидеров чеченских бандформирований – это большой успех российских спецслужб. Успех, в который уже никто не верил.

Дальше шел рассказ журналистов о некоторых деталях силовой операции. В селении, где был арестован Султан Амиров, в перестрелке погибло несколько спецназовцев, больше двух десятков чеченских боевиков и четверо пленных. Трое из них – военнослужащие, один – молодой предприниматель из Дагестана Саид Науров, пробывший в плену около двух месяцев. Пленники погибли от пущенной в сарай кумулятивной гранаты спецназовцев.

Шамиль выключил магнитофон и некоторое время сидел в раздумье.

– Я не виню в смерти сына российских военных. Думаю, все вышло случайно. За него люди Султана требовали десять миллионов долларов. Я мог выкупить Саида, такие деньги у меня были. Но я тратил их на то, чтобы самому выйти на Амирова и отрубить ему голову. И до сей поры не отчаялся покончить с ним. Семь миллионов – это все, что у меня есть.

Науров сидел сгорбившись, глядя на свои широкие желтоватые ладони. Он не менял интонацию, а глаз его Сергей не видел. Однако без труда понял, что этот седой человек предлагает ему работу и платит за нее семь миллионов долларов. Не самая крупная сумма, требуемая за выкуп заложника. Сергей знал о суммах, вдвое превышающих эту.

Знал Марковцев и что такое искушение, методы борьбы с этим злом, но не всегда умел противостоять ему. Порой просто потому, что не хотел. Деньги есть деньги, и где бы ты ни работал, их всегда мало. Не мораль красит деньги, а деньги перекрашивают этические нормы в приемлемые цвета.

Пожалуй, Сергей покривил бы душой, признавшись, что только сейчас пришел к этим выводам. Он думал о себе – не о задании – на борту самолета, по пути из Махачкалы в Южный. Не переставал думать на Приветливом. Он снова вне закона. А предложение Наурова лишь подстегнуло ход мыслей, которые понеслись вскачь. К обрыву? Сергей много раз стоял на

краю, то откровенно насмехаясь над губительной высотой, то вдруг вздрагивая от одной только мысли о падении в бездну.

Пока рано говорить о сложности задания – Султан Амиров находится практически в неприступной крепости, в Лефортове. Для начала требуется обговорить денежную сторону вопроса, обменяться гарантиями. По большому счету Сергею было наплевать на согбенную фигуру Наурова, на его чувства справедливой мести и воспоминания о погибшем сыне. Если Шамиль гарантирует ему аванс, Сергей не колеблясь «кинет» его. И с тремя «лимонами» в кармане найдет способ тихо и мирно прожить до глубокой старости. Пусть Шамиль ищет его; но куда ему до специальных агентов ГРУ, которые сорвутся на поиски своего коллеги.

Эти противоречия полностью характеризовали Сергея Марковцева, человека без имени и будущего. Он всю жизнь кидался из крайности в крайность, готов был в бою положить голову за рядового бойца, а за деньги не щадил никого. Два полюса, и там и там холодно, но разница была огромной.

– Мне не нужны профессиональные кулаки, – возобновил разговор Науров, – у меня такого добра навалом. Я давно ищу профессиональные мозги. Назовите еще раз – я хочу услышать – истинную причину вашего появления здесь.

– Если вам интересно, – Марковцев пожал плечами. – ГРУ стало наводить порядок в застарелых делах. Наметилась работа по расконсервации базы, точнее – окончательной ликвидации. Вывоз и уничтожение вооружения. По старой дружбе один человек поделился со мной этой информацией. Я хотел опередить ГРУ, однако Санников опередил всех. Здесь действительно случайность. Кстати, я бы хотел знать, как продвигается следствие. – Марк едва заметно улыбнулся, вспомнив высказывание Шамиля о своем влиянии на местную милицию. – Желательно во всех деталях. Кто подозреваемый, свидетели, если таковые есть.

– Свидетелей, насколько я знаю, нет. Но за несколько минут до смерти Санникова к нему приехала его бывшая жена и вызвала милицию.

– Интересно. Узнайте о ней как можно больше.

– Хорошо, – пообещал Науров и внимательно взгляделся в собеседника. – Выходит, работу никто вам не предлагал.

– Почему же... Вы предлагаете.

11

Москва, Лефортово

Султан Амиров охотно давал показания. На протяжении полутора лет он находился под следствием в самом комфортабельном изоляторе страны, редкий день проходил без допросов. Часто его выдергивали из камеры ночью, чтобы задать только один вопрос, практически ничего не значащий. Султан менял мерклый свет одиночной камеры на ослепительный в комнате для допросов, отвечал и снова препровождался на место.

Он давно понял своеобразную тактику давления, но искренне удивлялся ей. Вся тяжесть его существования должна быть предана гласности. Зачем ему доказывать то, что он знает, к чему привык, что стойко переносит и будет переносить?

До некоторой степени он сам усугублял свое положение. Первые дни после ареста Султан содержался в одиночной камере, что само по себе считается в СИЗО наказанием, потом арестованного перевели в трехместную камеру. Он не мог пожаловаться на общество сокамерников, тем не менее попросился назад, и его странную просьбу удовлетворили.

В его клетушке круглые сутки вещало «Радио России». Он знал все последние новости, рейтинги музыкальных хит-парадов и прочие известия. Но больше всего ему нравилась пере-

дача «Музыка без слов». Пять раз в неделю он отдыхал от голосов ведущих и многочисленных гостей программ. К этому времени контролер опускал откидные нары, и Амиров, лежа, наслаждался музыкой. Откровенно диковинные мелодии чередовались с неистовыми, но чаще всего звучали однообразные, успокаивающие, шелестящие, как шум дождя: са, ла, ма. Три слога, образующие слово «ислам»: мир, спокойствие, добродетель.

И он действительно представлял дождь, резкие порывы ветра за окном его дома в родовом селении. Отдавался этому чувству весь, поскольку давно не слышал звука дождя о черепицу, лишь о брезент палатки, листву и в землю под ногами. Порой обгоревшую, где собственные следы, как чудные мелодии, чередовались с отпечатками ног неверных.

Его родная земля хранила много секретов, чаще всего уже разложившихся, обезображенных и обезглавленных, со связанными руками и ногами. Султан охотно делился ими со следователем и незаметно насмехался над его наивной прозорливостью: тот истолковывал откровения узника как попытку вынудить следствие вывезти его на место преступления, где, возможно, чеченский полевой командир попытается совершить побег.

О побеге Султан не думал, о воле – да. Убежать из этой охраняемой крепости невозможно. Как нереально и подкупить охрану. Можно дать денег одному, двоим... На этом все и закончится. Он не простой смертный, что натурально вдохновляло узника, его величие не показное, стоит на прочном фундаменте из костей и крови. Его могут снести, но остов останется – как памятник, в назидание тем, кто незаконно топчет его родную землю, и тем, кто еще отважится ступить на нее. Ступить робко, постоянно оглядываясь, ибо смерть повсюду.

«Музыка без слов» сменялась «словами без музыки», хорошо поставленный голос диктора ласкал слух: «Погибли восемь российских милиционеров и... один чеченский боевик. На фугасе подрывался БТР, ОМОН открыл огонь на поражение... по «зеленке». На рынке в Грозном выстрелами в затылок расстрелян наряд милиции...»

Памятник. В назидание тем, кто отходил по его родной земле.

Султану разрешалось держать в камере Коран, но запрещалось на первых порах иметь хотя бы жалкий огрызок карандаша. И Амиров мысленно делал пометки на полях Священной книги; после ему стали давать бумагу, карандаши и книги из тюремной библиотеки. Мусульманин может молиться где угодно, для молитвы достаточно небольшого клочка чистой земли. Или очищенной земли, добавлял Султан, очищенной кровью неверных. Должно быть, на таком месте молитвы быстрее дойдут до Аллаха.

У него вошло в привычку читать стоя, чтобы свет из окна падал на листы Корана слева. Краем глаза он ловил ненадолго меркнувший свет в «волчке» – надзиратель наблюдал за своим подопечным. Тогда Султан поворачивал голову в сторону двери и с доброжелательной улыбкой глядел на смотрящий словно из другого мира глаз. Потом снова сосредотачивался на книге.

Наверное, надзиратели привыкли к такому поведению заключенного, взявшего за привычку отвечать улыбкой на вторжение в узилище чужеродного взгляда. Султан хотел верить в другое: им не по себе становится от его глаз, изгиба губ, просто от спокойной, едва ли не величественной позы. Наверное, он имел над ними определенное преимущество. Они не могли сказать ему: «Твои дни сочтены» – только один Аллах знает об этом. Он будет жить и здесь, в тюрьме, и в колонии, куда через несколько месяцев его отправят.

Но что-то предсказывало Султану скорую свободу. Что-то неведомое волновало грудь, заставляло учащенно биться сердце. И словно по заказу вчера передавали «музыку дождя». Только дождь звучал из динамика, как и узник, спрятанного за решетку. И даже при открытых глазах он смог отчетливо представить свой дом...

Дагестан

Марковцеву предстояла бессонная ночь. Шамиль предложил ему лучшую комнату в доме, но Сергей выбрал мансарду, куда проникал свет от наружного освещения.

Прохладный горный воздух бодрил. Крепкий кофе и сигареты подгоняли мысли. За эту ночь Марковцеву предстояло решить сложнейшую задачу – набросать в голове план по вызволению из Лефортова чеченского полевого командира. Ибо Науров поставил жесткое условие: ему нужен живой Султан Амиров. И Марк отчасти понимал хозяина этого дома. В придачу к обещанному вознаграждению кавказец мог присовокупить свой дом, но совершить справедливую вендетту – это в крови у вайнахов, народов-братьев.

Задача сложная, практически невыполнимая, чем и привлекала бывшего подполковника спецназа. На его счету десятки разработанных и блестяще выполненных операций. Они чередовались: за «красных» и за «белых» – в составе своего спецподразделения «Ариадна» и с боевиками криминальной группировки «Группа «Щит», вместе с бойцами разведрасчета и – вот сейчас, когда он снова оказался между небом и землей. Когда трудно определить, хороший он человек, совершающий плохие поступки, или плохой, настроенный на хорошие дела.

«Равным образом и добрые дела явны». Что имел в виду апостол Павел? Что мир поделен ровно пополам, на доброе и злое?

Марк думал о сложном задании, постоянно сбиваясь и отыскивая иные, нежели материальные, причины взять наконец-то себя в руки и не шарить в потемках своей беспокойной души. Что-то мешало ему настроиться. Была бы рядом церковь, он бы попросил священника отпустить ему грехи перед очередным грехопадением.

Думать, думать. А наутро дать согласие или отказаться.

Сергей вышел на балкон и поежился. Полночь. Над озером стелился туман. Из него, словно попавшая в плен, взывала какая-то ночная птица. Тоскливо, неуютно, беспокойно на сердце.

Согласиться или отказаться от безумного предложения? Пока нет определенного плана, бесполезно взвешивать шансы. Хотя шанс уйти с хорошими деньгами все же был. Так и так придется уходить – с деньгами или без них.

Собственно, к чему мы стремимся всю свою жизнь? – думал Сергей. К покою. Кто не думал о тихой гавани или уютном домике? Не думал о тишине и покое? Кто не представлял себе легкий бриз, треплющий над головой парус, необъятный простор океана впереди, а позади... В этом месте стоит задаться вопросом: «Когда тебя последний раз встречали приветливо?» Деньги и покой – вот все, что нужно в этой жизни.

Марк отбросил все ненужные мысли, как только вспомнил часть беседы с Науровым и свои намерения «кинуть» хлебосольного хозяина и скрыться с авансом. Сколько времени прошло с тех пор? Какие-то часы. Пусть что-то и тревожило душу, но не могло заставить пересмотреть свои позиции, не имея на то веских причин.

Он снова подумал о Шамиле Наурове. Сколько бессонных ночей простоял старик на этом балконе, слушая, как и Сергей, крик ночной птицы. А в ушах кавказца стоял голос сына...

«Вот ведь дерьмо!» – выругался Марковцев. Он подошел к столу и налил красного вина. Вспомнил еще одно изречение: «В отпущенный тебе срок живи». Да, надо жить. Бояться за свою шкуру можно по-разному – с легким хмелем, как от этого вина, или с зудящей от постоянных волнений кожей.

Однако чего-то не хватало, малости, чтобы прийти к окончательному ответу.

Освещенным коридором Сергей прошел в комнату, где смотрел записанный на пленку репортаж, закрыл дверь и сел перед телевизором. Нажал на кнопку воспроизведения, на табло видеоманитофона высветилась зеленоватая надпись – нет кассеты. Он перебрал на полке с десятком кассет, но все оказались с фильмами.

На откидной дверце секретера гость заметил ключ и повернул его. Внутри лежали две кассеты, Сергей выбрал наугад и вставил в деку магнитофона...

Наверное, это и была та самая малость, которая не позволяла Марку принять окончательное решение. «Малость», записанная на пленку, – не та, что демонстрировал ему хозяин дома, – впечатляла настолько, что волосы у корней Марка, повидавшего в жизни всякого, пришли в движение. Не сам факт похищения сына питал месть Наурова, а то, что произошло дальше, в плену, и было запечатлено на видеокамеру. Небольшой отрезок времени – «между жизнью и смертью» Саида. Он жив и смотрит в объектив камеры, а в его руках оружие...

Марк вынул кассету и положил на место. Он пришел к окончательному ответу. Наверное, такого, по-настоящему психологического тренинга ему и не хватало. Он подогрел свои мысли, которые двинулись в ином направлении. Невысказанные слова, как в мельничных жерновах, переминались желваками. И вот в голове стала рождаться рискованная, но красивая многоходовая операция. Наутро Марк знал, каким образом он сумеет вытащить из знаменитой московской тюрьмы чеченского полевого командира.

Марковцев использовал испытанный способ. Часто, когда непрестанно думаешь об одном и том же, мыслям нет выхода. Но стоит не то чтобы отвлечься, а переключиться на отвлеченную тему, как вдруг приходит решение. Ключом стал отчет санитарно-эпидемиологической службы, приведенный в «Комсомольской правде», газете, которая лежала на столике. Отвлекаясь от основной темы, отчет эпидемиологов о массовом заражении холерным вибрионом в Казани Сергей прочел вкупе с другими статьями.

* * *

Шамиль встал рано, едва ли не с восходом солнца. Туман над озером заметно поредел и продолжал таять на глазах. Две овчарки ластились к хозяину, и он, продолжая шествие по росистой траве, поочередно трепал их по загривку.

Бодрый, словно провел ночь в безмятежном сне, Марковцев наблюдал за Науровым с балкона. На дагестанце поверх спортивной куртки была надета теплая безрукавка, на ногах... Сергей взгляделся внимательней и улыбнулся: хозяин был обут в обыкновенные резиновые галоши.

Под утро Марковцев еще раз вернулся к непростому вопросу: почему Науров доверился незнакомому человеку. И ответил на него без труда. О своей лютой ненависти к чеченскому полковому командиру Шамиль мог заявить в открытую. Как никто другой, он имел причины желать смерти чеченцу. И вряд ли правоохранительные органы серьезно отнеслись бы к его заявлению. Амиров охраняется надежно, ни у Наурова, ни у кого-либо другого нет шансов не то что похитить Султана, а даже оказаться на почтительном расстоянии от него. В случае же обнаружения серьезных намерений в Лефортове сменяют охрану, арестованного могут перевести в другое место содержания плюс прочие специальные действия.

Так что открытое заявление Шамиля отнюдь не рискованный шаг, о чем в первые минуты откровения дагестанца подумал Сергей, а скорее очередной всплеск эмоций, жажда крови. Другое дело, почему Марковцев поверил ему. А здесь ответом служил обоюдный интерес, рождающий обоюдное доверие.

Сергей быстро спустился вниз, мельком глянув на заспанного охранника, и присоединился к хозяину.

– Сколько людей в вашем распоряжении, Шамиль? – спросил Марковцев, ответив на приветствие и вопрос о настроении. – Я имею в виду тех, кто готов рискнуть головой.

– За меня многие положат голову, – туманно ответил Науров. – Вы приняли мое предложение?

– Я приму его с одним условием. Вы платите мне половину сейчас, остальное в обмен на Султана. Я передам его вам из рук в руки. Будем следовать принципу торговой классики: «Платишь деньги – получаешь товар».

Шамиль согласно наклонил голову:

– Договорились.

Марк в очередной раз вспомнил имя Андрея Овчинникова, на котором остановил свой выбор, и продолжил, замечая оживление на лице Наурова:

– Кроме того, часть аванса пойдет на подготовку к операции, на закупку оборудования и снаряжения. С кем-то придется поделиться.

– Я согласен. Что требуется от меня?

– Снарядить в дальнюю дорогу ваш джип. – Марковцев указал на «Лэндкрузер». – Найдете способ избавиться от проверок на дорогах?

– Куда нужно доставить груз?

– В Москву.

– Думаю, да, – после непродолжительного молчания ответил Шамиль.

Сергей подошел ближе к машине и тронул сверкающий хромом кожух запаски.

– Вместо колеса положите фугас. Он такой же по форме и как раз уместится. По одному автомату и пистолету с базы спрячьте в самой машине. Так же привезете и другое оборудование, о котором я скажу позже.

– Хорошо, я все сделаю. Сейчас хочу получить ответ на главный вопрос. Вы знаете решение или беретесь за работу наобум?

– Да, знаю, – ответил Сергей.

– Не расскажете?

– На полях книги решение задачи не уместится. – Марк улыбнулся: высказывание Пьера Ферма пришло в голову, а затем сорвалось с языка подсознательно. Вскоре кому-то придется решать задачу с тремя неизвестными. Вариантов предложат множество, но ответ будет знать только автор силовой теоремы, бывший подполковник спецназа. – Вы будете вникать в суть работы поэтапно, – пообещал Марк.

– Когда доставить груз в Москву?

– Договоримся так: вы даете мне номер телефона, а я сообщу вам время и место встречи. И еще. Вы очень дорожите Рушаном Казимировым?

И снова пауза, на сей раз долгая. Затем отрицательное покачивание головой.

Глава 5

Согласно инструкции

13

Дагестан, 26 июля, четверг

Морское побережье в этом месте было загажено разлившимся из танкера мазутом, труп владельца морского клуба казался следователю Рашидову паршивой затычкой, которая и послужила разливу нефтепродукта.

Опустившись на корточки, над покойником колдовал судебный медик. Расстегнув рубашку, он щепкой счищал мазут с груди трупа и, похоже, обнаружил на нем нечто достойное внимания.

– Прежде чем утопить, в него стреляли, – сообщил медик.

Следователь кивнул. С одним вопросом он разобрался чуть раньше: почему труп с остатками веревки на ногах вдруг всплыл не ко времени? Причина оказалась скорее курьезной. Сам следователь однажды столкнулся с подобным фактом, ставя рыболовную сеть, верхний урез которой был из веревки, размокающей в воде. В тот раз он вылавливал свою браконьерскую снасть «кошкой». Выброшенного прибором бедолагу связали именно такой, с виду прочной веревкой.

Это был четвертый или пятый «поплавок» за последние два года, двоих из них следственной бригаде Рашидова так и не удалось опознать.

– Сука! – неожиданно выругался следователь. – Не дай бог, в него стреляли из подводного пистолета.

– Он же подводник, – попытался сострить «демонстрант» Амдалов, и в этот раз одетый с иголки.

Рашидов, одетый небрежно, торопился. Ему предстояло отработать неплохие деньги, которые ему вручили от имени Шамиля Наурова. Взвесив все «за» и «против», следователь пришел к выводу, что напрягал свою голову напрасно. Он бы откликнулся на просьбу Наурова совершенно бесплатно. Ему здесь жить – долго или нет, вопрос не праздный. Он намного моложе Шамиля, но уважаемый дагестанец, не напрягаясь, запросто переживет Рашидова и начальника местной милиции, вместе взятых.

Жена Санникова еще не уехала, оформляла наследственное дело в нотариальной конторе и проживала в гостинице, обшарпанном двухэтажном клоповнике. Ей причитались сущие копейки, тем более вступит в права лишь через полгода.

Для допроса Рашидов выбрал самый маленький кабинет на первом этаже отдела внутренних дел, запахнул шторы на окнах и включил яркую настольную лампу, направив свет в угол комнаты.

– Сколько ты заплатила соседу за убийство своего мужа? – жестко спросил следователь, едва Ирина заняла место в хорошо освещенном месте. – Ну, говори!

Санникова опешила. Она молчала, не зная, что ответить. А вопросы сыпались один за другим.

– Ты приехала в день убийства, за минуту до смерти мужа. Не ожидала, что он будет еще живой? Не ожидала смерти соседа? Ты ударила его по голове? Или толкнула, а он ударился

головой о батарею? Тебе нужна была квартира мужа? Надеялась на снос дома и новую квартиру? Только не говори, что не заводишь наследственное дело.

– Да я... – запротестовала было Санникова, но Усман перебил ее:

– Что ты? У тебя руки были в крови.

– Да ведь это я вызвала милицию!

– А куда тебе было деваться? Ты просчиталась, подруга. Слушай, – Рашидов хлопнул себя по лбу, – а может, ты вступилась за мужа? Пришла в тот момент, когда он был связан, а сосед бил его ножом? И ты толкнула соседа. Или вначале ударила? Это меняет дело – убийство, совершенное по неосторожности. Наказывается лишением свободы до трех лет.

– Никого я не толкала!

– Или сосед стал угрожать тебе, и только после этого ты ударила его? Всего пару лет – убийство при превышении пределов необходимой обороны. На какой статье остановимся? Заруби себе на носу, подруга, – предупредил Рашидов, погрозив пальцем, – у меня достаточно доказательств повесить на тебя одну из двух статей. Советую выбрать последнюю, или я открыто приштопаю тебе убийство по неосторожности. Судить тебя будут здесь, в Дагестане, усекаешь? Если у тебя нет денег на адвоката, суд предоставит тебе хо-орошего защитника – бывшего государственного обвинителя.

Рашидов стремительно прошелся по кабинету и возобновил беседу, неотрывно глядя на перепуганную женщину.

– Считаю за мной. Руки у тебя были в крови, ее и сейчас можно найти на твоём платье. Кроме тебя, соседа и твоего мужа, в квартире никого не было. Твой муж не мог защищаться, поскольку сидел на стуле связанный. Тем более не мог нанести удар соседу. Так кто же ударил его или просто толкнул?

– Я, что ли?!

– А кто, я?.. Ты растерялась, вызвала милицию. Когда прибыла следственная группа, ты выглядела так, словно смерть мужа тебя нисколько не тронула. И я нашел этому объяснение: тебя в тот момент, кагытся, волновала собственная судьба. А ведь могла рассказать обо всем сразу.

– Я никого не убивала! – Ирина заплакала. Она понимала, что ей могут «приштопать» любую статью и вместо защитника подsunут обвинителя. Дагестанского. Здесь все свои. Отмотают на полную катушку. В одном случае это три года, в другом – два.

Сейчас она почувствовала себя пленницей.

– Скажу честно, – продолжил Рашидов, – мне выгоднее передать дело в суд, нежели закрыть его по причине смерти подозреваемого. Не тебя, – улыбнулся он, видя округлившиеся глаза Ирины, – я говорю про соседа.

– У меня есть однокомнатная квартира в Волгограде. – Она жалобно посмотрела на следователя. – Я могу продать ее.

– Предлагаешь мне взятку?

Санникова кивнула:

– Да.

– Сделаем по-другому. Ты понимаешь, что из этого здания у тебя одна дорога – в суд?

– Да. – Она впервые столкнулась с правовой машиной и поняла, что с тормозами у нее не все в порядке. Клинит руль, наезжая на кого попало. А ее угораздило попасть на горный серпантин.

– Я хочу помочь тебе, – милиционер с трудом выдавил из себя незнакомое слово. – Я заново составлю протокол с некоторыми изменениями. С твоих слов, в телефонном разговоре твой муж помянул какого-то компаньона. Слушай внимательно. Когда ты подошла к дому, то увидела человека, выходящего из подъезда. Он тебя не видел, а вот ты его хорошо запомнила. С твоей помощью мы составим его портрет, фоторобот. Ты распишешься в протоколе и можешь

быть свободна. Только учти, – предупредил Рашидов, – первый протокол я буду держать в ящичке стола. Его легко заменить.

– Как же я опишу внешность человека, если ни разу не видела его? – удивилась Санникова.

– Завтра я покажу тебе его фотографию, – пояснил милиционер.

Ирина, соглашаясь, кивнула. Пресс-релиз небогатый.

Вообще, фотографий у Рашидова было пять, все пронумерованы с обратной стороны, начиная с цифры 1. Завтра ему окончательно скажут, по какой именно составить фоторобот. Фамилий людей, изображенных на снимках, следователь не знал. Он усложнял себе жизнь, фабрикуя скорее всего настоящий «глухарь», но суета эта хорошо оплачивалась.

– Приедешь в Волгоград, продай квартиру, – посоветовал Рашидов Санниковой, – и купи жилье в другом городе. – Он бросил на стол конверт. – Здесь десять тысяч долларов. Хватит и на двухкомнатную. А пока сиди в гостинице и не высывай носа.

14

Москва, Лефортово

Султан Амиров – первый из полевых командиров, обратившийся к братьям по оружию с призывом начать подрывную террористическую деятельность в России. Подавая пример, сам и осуществил первые теракты в российских городах.

Сидя за решеткой, он словно чувствовал, как день ото дня тает авторитет Басаева и Хаттаба. И отрадно об этом думать, и нет. Они в лесах и горах последнее время себя ничем не проявили, единственная заслуга – ловко прячутся. Даже террор против русских осуществляют мелкие командиры. Масхадов, сурово насупив брови, молчит. Молчит, и все. На любой вопрос не отвечает. Братец Мовлади стал компьютерщиком-летописцем, открыл свой интернет-сайт в Катаре и ну катать на всех командиров биографии! Информационный террорист. А вот проведенные Амировым массовые убийства мирных граждан, погибших от взрывов ночью, во сне, выходили сейчас на первый план. Годовщина одного взрыва – организатор Султан Амиров, «юбилей» другого – «автор» тот же.

Сидя за решеткой, Султан набирал вес. О нем периодически вспоминают, он – ужас, кошмар для всех россиян, живущих в многоэтажных «курятниках». Это он организовывал патрули вокруг домов, он запирали и опломбировал двери подвальных помещений, он снимал телефонные трубки и поднимал на ноги не только людей, но и собак. Он совал их носом в землю, он породил множество шутников, подражателей и вместе с ними срывал графики поездов, занятия в школах, заседания в учреждениях.

Нет смысла сейчас вести даже партизанскую войну, хотя можно оставить в горах того же Басаева – пусть пасется. Теперь важно продолжить подрывную войну. На каждый арест, на каждый выстрел российского военного в Чечне отвечать громким взрывом в доме его матери, жены, сестры.

Нужен авторитет, фигура, которая взяла бы на себя ответственность за теракты. Тем не менее братья по оружию порой откровенно насмехались над Султаном, не понимая, для чего он берет на себя даже то, чего не делал. Может, сейчас, в череду годовщин, до них дойдет?

У него есть последователи, хотя их впору называть тем же обидным словом «подражатели». То, что делают имитаторы, лишь слабенькие отголоски дел Султана, долетающие в крайнем случае до Ставрополя.

Ах, если бы оказаться на свободе! И приурочить! Так приурочить, чтобы сотряслись стены Кремля. О большем даже мечтать грешно: Султан Амиров на свободе! Он приветствует

весь российский народ своим выходом на сцену. Гремит салют, чернеет небо, замертво валится публика. И это только начало. Впереди – знакомый уже кошмар, выпущенный на волю.

И деньги. Саудиты не поспеют на воскресшего террориста. Умножатся потоки денежных вливаний в ИМЯ, раскрученное так, как не снилось ни одному лидеру.

Да, самое подходящее время снова показаться на подмостках. Но только чудо могло помочь Султану покинуть гостеприимное Лефортово.

В Чечне, Дагестане и Ингушетии у него остались не только последователи, но и единомышленники, те, кто разделял его позицию по подрывной деятельности в российских городах. С ними нет связи, можно лишь гадать, что у них на уме. Скорее всего придется свыкнуться с мыслью о пожизненном заключении и забвении. Расстрел холостыми, отзвук которого растянется на многие годы. Последнее ранило Султана больше всего. И неспроста он заявлял неоднократно: «Судите меня по тем законам, которые я сам придумал».

Мысленно он обращался к Аллаху, когда в груди вдруг зарождалась надежда: «Скажи, господи, открой мне планы друзей моих. Но сначала скажи, остались ли они?»

Исхудавший, чисто выбритый, одетый в синюю робу и тяжелые казенные ботинки, Султан бросал долгие взгляды на окно. Сильный, несломленный, воплощение терпеливости, все же на короткое время он становился слабым и беспомощным. А все из-за неизвестности, будь она проклята!

Он быстро брал себя в руки, вставал левой стороной к окну, открывал Коран и делал мысленные пометки на полях; поворачивал голову, улыбался надзирателю и снова углублялся в чтение. А поздно вечером под музыку без слов представлял дождь в родном селении, легкие порывы ветра, туман, стелющийся в долине, и облака, ласково касающиеся горных вершин. А утром видел черные облака дыма, цепляющиеся за крыши московских домов, клубы гари, выползающие из подземных переходов под аккомпанемент пожарных сирен и отчаянных воплей машин «Скорой помощи».

И то и другое ласкало слух и глаз, заставляло сердце нестись вскачь или принуждало его замирать.

Султан жил видениями, питался ими, заставлял себя верить в чудо.

Слушая «Радио России», он недоумевал: что творится на его родине? Чеченская милиция, заново отстроенные школы, возведенные на голом месте электрические подстанции. Однако успокаивался: все это неплохо, даже хорошо.

Вчера телекомпания РТР разрешили взять у Амирова интервью. Он оказался прав: его не просто не забывают, а не хотят забывать. Может, у них на уме другое, но это работает на его тайные планы. Его увидят миллионы людей, в том числе родственники погибших от рук Султана. На их скрежет зубов и проклятья он ответит улыбкой. Живой и невредимый, он переадресует весь гнев на российское руководство. Начнутся социологические опросы, на экранах телевизоров, возможно, появятся две статусных строки: вы за смертную казнь или против? В строке «за» поползет рейтинг Султана Амирова, оставшееся место будет означать доверие к власти. Пусть даже в этом вопросе. В конце часа прогрессирующая строка упрется в конец рамки. Победа. Маленькая, но приятная.

На откровенные вопросы журналиста Амиров отвечал соответственно. Репортер попытался влезть в душу заключенного, бывший главнокомандующий восточным фронтом дудаевской армии открыл к ней доступ. Он рассказывал о своем восьмилетнем сыне, шестилетней дочери, жене. Скучает ли по ним? Скорее жалеет, что не может увидеть. На его взгляд, это разные вещи.

Он не насылал в голос бодрости, не позировал, предстал таким, какой он есть. Слегка ленивый говор, открытый взгляд, чуть склоненная набок голова – следствие ранения в шею. Репортер может добавить что-то от себя, по-своему истолковать тот же взгляд, внезапно возникшую паузу. Тем не менее знающий Султана человек почувствует фальшь в комментариях, а

незнакомый человек не станет вслушиваться в слова журналиста. Для всех главным в передаче станет голос и облик самого Султана Амирова.

– Дети должны учиться, – отвечал он, помня свое недоумение по поводу возрождающейся на его земле жизни, отвечал искренне, смело. – Должны учиться на чеченском языке, изучать арабский, чтобы читать и глубже понимать Коран. Чеченская милиция... Российская власть собственными руками создает легальные чеченские боевые отряды. И чем больше их, тем лучше. Чеченский ОМОН, СОБР. Пусть в каждом подразделении есть пара-тройка русских «комиссаров», а «комиссарского тела» хотят попробовать все чеченцы.

Он отвечал на вопросы без запинки. Правда, один раз он все же намеренно затянул паузу, неотрывно глядя в объектив камеры, словно призывал друзей хотя бы поддержать его. Или не бросать. Понимая, однако, что ни того ни другого сделать им не под силу. Тем не менее он вошел в односторонний контакт, что уже немаловажно. В конце интервью Султан задержал свой взгляд на репортере – не кивнет ли тот незаметно для охранников.

15

Дагестан

Толчок дан, Шамиль заполучил наконец профессиональные мозги, теперь отступать некуда. Пора жертвовать и головами, своими и чужими, но осуществить задуманное. А пока что на этом этапе приблизить его. С таким настроем поздно вечером дагестанец подъехал к дому Агериева.

Старшего лейтенанта милиции Агериева подозревали в причастности к теракту на железнодорожном вокзале Пятигорска, проведенном под руководством Султана Амирова, однако стараниями все той же милиции, озабоченной притеснениями своего сотрудника-чеченца на этнической почве (вот где корень и вся боль нового мышления руководства МВД), вскоре обвинения с него были сняты. Поостерегшись вернуться на родину, Руслан осел вместе с семьей в Кизилюрте.

Науров знал наверняка, что Агериев не прекратил свои связи с чеченскими бандформированиями, имея кличку Сотник. Вряд ли в его подчинении было столько боевиков, максимум, на что он годился, – скакать на коне впереди пары-тройки джигитов.

Шамилю не требовалось лишних доказательств причастности Агериева к банде Амирова. Не вылезая из своей милицейской шкуры, он помогал ему убивать, брать заложников и казнить их. Руки у него, как и у Султана, по локоть в крови. Сейчас Шамиль наверстывал упущенное, будучи уверенным, что вскоре увидится с полевым командиром.

Еще один, ничем не лучше Агериева, обитал в Дербенте. Малик, двуликий сын шакала, бывший народный заседатель в городском суде. Днем он один, ночью совсем другой. Малик на хорошем счету у спецслужб; еще бы, он консультирует их в своем доме, принимает и журналистов, зарабатывая авторитет. Из народных заседателей метит в народные депутаты. И до него руки дойдут, недобро шурился Шамиль.

Руслан Агериев торопливо надевал спортивные брюки и бросал тревожные взгляды на жену. Она сидела на кровати, приложив руки к груди. Предложения вроде этого – «Хозяин, поговорить надо», прозвучавшее среди ночи вместе с громким стуком в окно – обычно не сулят ничего хорошего.

Один этот визит незнакомцев Агериев, не глядя, поменял бы на десяток срочных вызовов в отдел внутренних дел, где он работал старшим оперуполномоченным.

С трудом натянув майку на внезапно вспотевшее тело, он еще раз, теперь уже ободряюще посмотрел на жену и вышел на улицу. Щелкнул выключателем, но лампа наружного освещения, вспыхнув на миг, перегорела.

– Пошли. С тобой хотят поговорить, – по-русски произнес громадный, под метр девяносто дагестанец и кивнул на машину – обычную «десятку» белого цвета.

Агериев не стал спрашивать, кто хочет поговорить. Сделав пару шагов к машине, он обернулся на звук хлопнувшей двери и увидел дрогнувшую на окне занавеску. То жена метнулась от окна, испугавшись вторгнувшегося в жилище вооруженного человека. Руслан сделал попытку броситься на помощь, но его сбили с ног и скрутили за спиной руки. Потом подтолкнули к открытой задней дверце машины.

Сидящий на сиденье человек немного подался вперед. При виде его Руслан посерел. На него, не мигая, смотрели глаза Шамиля Наурова.

– Ну что, испугался, шакал? – сверкнули глаза дагестанца.

Неожиданно старик хрипло рассмеялся, смех перешел в натужный кашель. Торопливо прикуривая, Науров покраснел от приступа удушья. Придя в себя, он несколько раз глубоко затянулся и отбросил недокуренную сигарету.

– Слушай меня внимательно, собака. Проявишь строптивость, я вырежу твою семью. Рамазан, – тихо окликнул дагестанец своего парня, – ступай в дом, помоги Аслану связать жену этого недоноска и его детей. Когда я скажу, убьете их.

– Стой, Шамиль! – взмолился чеченец. – Чего ты хочешь? Я все сделаю.

– Ты все сделаешь, встанешь на колени, будешь лизать мне ноги. Для начала ответь на несколько вопросов.

Для Агериева настало то время, когда нельзя медлить с ответом, а о том, чтобы прикинуться дурнем, и думать было нечего.

– Спрашивай! – горячо потребовал он.

– Смотри, как ты хочешь жить, – насмешливо произнес Шамиль, качая головой. – Прямо тянешь из меня жилы. Ты знаком с кем-нибудь из наемников из Татарстана, Башкирии? Мне все равно, из какого они города. Ну?

– Да, – ответил Руслан, – есть такие люди в Казани. Яфаров и Чагитов.

– Как быстро ты сможешь связаться с ними?

– Если по телефону, могу утром.

– До утра ты можешь не дожить. – Шамиль имел при себе мобильный телефон, адаптированный для спутниковой системы связи, но даже он в этой дыре не работал стабильно. – Сейчас мы поедem в отдел, оттуда ты позвонишь в Казань. А Рамазан останется с твоей семьей.

– А что я должен передать? – Руслан принял предложение и протиснулся в салон.

– Всего несколько слов. Скажешь Яфарову, что от твоего имени скоро к нему подойдет один человек. Он должен слушаться его во всем и не задавать лишних вопросов.

И снова стук в дверь. Руслан не успел обрадоваться своему счастью – он остался жив, живы и жена, и дети; не успел удивиться недалёковидности Шамиля Наурова: буквально через десять-пятнадцать минут Руслан собирался снова навеститься в отдел и, еще раз позвонив в Казань, отменить свое распоряжение, точнее, буквально наставительную, при помощи ствола у виска, просьбу. А дагестанец довез его до дома и уехал, кретин.

Руслан не понял, что Шамиль дал ему вздохнуть напоследок, вкусить всю прелесть внезапного освобождения от смерти, почувствовать облегчение.

Повторный стук в дверь отдался в больной голове Агериева. Решение его головной боли стояло за дверью, вооруженное автоматом.

Как и несколькими минутами раньше, Руслан тревожно взглянул на жену и открыл дверь.

Рамазан давно не стрелял из автомата. Это как езда на велосипеде, как наркотик: «подсел» – и уже никогда не разучишься.

Вслед за хозяином дома дагестанец расстрелял его жену и шагнул в детскую – кровная месть распространялась и на ее территорию.

16

Москва, центральное здание ГРУ

– Пока меня не интересует, как все произошло, расскажите, как это выглядит сейчас и что нас ожидает в будущем.

Шестаков представлял собой полную противоположность Прохоренко, задавшему длинный вопрос. Как избранный из «Матрицы», он не знал, чем все закончится, он пришел рассказать, с чего все началось.

– Агентов, – начал Шестаков, – Ганелина и Марковцева пока обнаружить не удалось. Большая часть вооружения отряда «Гранит» хранилась в яхт-клубе. Его владелец, Рушан Казимиров, найден на берегу мертвым.

– Большая часть – это как? – Нервноschauющий Прохоренко развел руки на ширину плеч, затем еще шире, как рыбак. – Диверсионные мины все на месте?

Шестаков покачал головой:

– Одного заряда не хватает. Недосчитались автомата, пистолета... Одним словом, один комплект исчез.

– Отсюда следует, что из двух ваших агентов один мертв. Если бы оба были живы, пропало бы два комплекта.

– Я так не думаю, – Шестаков покорно проглотил оскорбление. – Ганелина наверняка нет в живых. Почувствовав опасность, Марк убрал его.

– Хорошо, я допускаю такое. Но зачем ему понадобился комплект вооружения боевых пловцов?

Для Шестакова действия Марковцева были очевидны. Догадывался о них, точнее, знал наверняка и начальник управления. Но боялся в открытую признать сей неутешительный факт. Одна лишь диверсионная мина языком СМИ могла рассказать кое-что о закате Вооруженных Сил Советского Союза и о начале новейшей истории ВС России. Заодно приоткрыла бы очередную завесу специфики работы разведорганов.

– Комплект вооружения – козырь Марковцева. Его жизнь, если хотите.

– А что, если мы объявим его преступником?

– Он оденется в пронумерованный водолазный костюм и прикроется миной, – образно пояснил Шестаков. – И обнаружит свою причастность к спецслужбам.

Прохоренко покачал головой. Ни ФСБ, ни ГРУ не признают секретного агента своим, что бы там ни случилось. Правило, закон спецслужб. Однако одно дело болтовня вокруг несвежей темы и пачки липовых (а когда и нет) ксерокопий, другое – агентурное дело на конкретного агента.

– Ищите Марковцева. Поднимите все данные на его родственников до пятого колена, знакомых...

И говоривший Прохоренко и молчавший Шестаков не верили в то, что Марковцев появится у кого-то из родственников. Они буквально сами учили его конспирации, определению слежки за собой, переодеванию, гриму и прочим специальным дисциплинам.

Отпустив подчиненного, генерал нервно прошелся по просторному кабинету, недобрым словом поминая Шестакова. Он, оказывается, не так понял начальника и отдал приказ устра-

нить Марковцева на территории Дагестана. Нет, это не от глупости или нерадивости начальника «экспертно-проблемного» отдела, качал головой Прохоренко. Шестаков умен и хитер – зацепился за недомолвки начальника, чтобы в неблагоприятных для себя условиях (если, конечно, «погода» изменится) поиграть с Марком как с преступником. Но за то, что Марковцев насолил всему управлению, отвечать должен не кто иной, как начальник управления Прохоренко.

Этот случай наглядно показал генерал-майору, что Шестаков умен, хитер и дальновиден одновременно, поскольку несет ответственность лишь за свое небольшое ведомство и при «разборе полетов» получит лишь выговор... продолжив работать под началом нового руководителя. Впору предположить заговор.

Глава 6

Как повысить настроение

17

Москва, 27 июля, пятница

Для основной работы Марковцеву нужны были еще два человека, опытные бойцы спецназа. На предложение Наурова воспользоваться его профессионалами Сергей только усмехнулся. Помощники – другое дело, а вот кому лезть под пули, кто не растеряется в реально опасной обстановке, решать ему.

Выбор пал на бывшего бойца отряда особого назначения «Ариадна» Валентина Мезенцева. Сергей, набирая боевиков в команду небезызвестной криминальной структуры «Группа «Щит», еще в далеком 1996 году присматривался к Валентину, однако перестал «ломать глаза», когда в семье Мезенцева произошла едва ли не рядовая уже трагедия. Младшая сестра Валентина попала в компанию наркоманов, села на иглу, а мать скрывала это от Валентина до последнего, пока в лесопарке «Сокольники» не нашли труп девушки и двух ее приятелей. По словам следователя, «зелье, которым они ширялись, содержало хлор». Валентин ушел из отряда и сгоряча начал вести собственное расследование, которое закончилось ничем. Попросту он сгорел, окунувшись в реальность. Запил, а надорванные люди Марковцеву были не нужны.

Время лечит. Последние три-четыре года Сергей ничего не слышал про своего бойца. Не стал гадать, чем сейчас занимается Валентин, просто приехал к нему домой.

– Командир... – Мезенцев долго не отпускал руку подполковника. Широкоплечий, чуть выше среднего роста, тридцатилетний отставной лейтенант качал головой. – А мне говорили, что тебя на зоне убили.

– Неправда, – рассмеялся Сергей, – я сгорел. Ну, Валя, предложи мне разуться, покажи, как живешь.

Хозяин спохватился и проводил Марковцева в комнату.

– Небогато, – заметил гость, оглядывая скромную обстановку в квартире, старые кресла, выдавший виды палас, монопроигрыватель виниловых пластинок. – Окружил себя артефактами древности? А у меня все новое, везде хрусталь, золото... Один живешь?

– Один. – Валентин не пытался скрыть растерянности, своих слегка подрагивающих рук. – Два года назад развелся с женой.

– Детей нагулял?

– Бог миловал.

– Так ты нашел к нему дорогу?.. Поздравляю. Я тут водки принес, селедочки. Лучок найдется?

Посмеиваясь, Марковцев прошел за хозяином на кухню.

– А ты, Сергей? Где работаешь, кем? – Валентин машинально достал луковицу и бесцельно держал ее в руке. – Честно говоря, сейчас уже не верю...

– Ну, договаривай.

– Мне сказали, ты подался в монахи.

– Было дело. – Марк присел за стол и открыл бутылку «Столичной». – Сколотил себе бригаду, разбирался с чиновниками и бизнесменами. Базой нам служил монастырь в Ново-

градской области. Год с небольшим я был его настоятелем, монахи – бойцами моей бригады. Хорошая «крыша», правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.